

A large group of soldiers in military uniforms, including caps and jackets, are posed in a dense formation in a forest. They are arranged in many rows, filling the frame from the foreground to the background. The soldiers have various expressions, some looking directly at the camera. The background shows tall, thin trees and a bright sky. The overall tone is historical and documentary.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС

Георгий ЛОПАТИН

Георгий Васильевич Лопатин
Экспедиционный корпус
Серия «Экспедиционный
корпус», книга 1

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68818311

Аннотация

Антон Климов, увольняется из Французского иностранного легиона, но становится жертвой похищения иностранными спецслужбами, что после «промывки мозгов» хотят отправить его добровольцем в зону СВО для провидения диверсии против высшего командного и политического руководства России. Но из-за сбоя в программирующей аппаратуре его сознание переносится в прошлое... на ПМВ.

Содержание

Пролог	4
1	11
2	19
3	29
4	37
5	46
6	50
7	62
8	70
9	77
10	85
11	89
12	97
13	103
14	110
15	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Георгий Лопатин

Экспедиционный корпус

Пролог

«Что за черт?..» – с вялым беспокойством подумал Климов, чувствуя, что его грубо тормозат чьи-то руки.

Перед глазами все плыло, а сама картинка воспринималась стоп-кадрами, в голове шумело, присутствовала общая дезориентация, но он, хоть и с трудом все же смог разглядеть, как два человека в каких-то комбинезонах подхватив его за руки и ноги сняли с гостиничной кровати в египетском отеле, где он остановился по пути в Европу, и положили на пол. Впрочем, оказалось, что не на пол, а на носилки, ибо эти двое присели, после чего встали и Антон взлетел. Так же он заметил, что эти двое в костюмах медицинских работников скорой если судить по красному серпу на груди.

«Отравился чем-то? Или ковиднулся? Так вакцинировался же... – снова подумал он. – И потом, как узнали про мое состояние?..»

Но додумать эту мысль не получалось. Мысли вообще двигались тяжело, более того, пошли провалы в восприятии реальности, потому как в следующий раз он обнаружил себя внутри машины «скорой помощи». Только ничего сказать

и спросить не успел, один из медиков приложил к его лицу кислородную маску и Антон вздохнув пару раз, снова отключился.

Очередное пробуждение. Его снова куда-то несли, перед глазами небо с редкими белесыми тучами. Кто-то что-то сказал, похоже заметили, что он опять в сознании, шедший рядом медик снова протянул к его лицу маску. Климов, даже с задурманенным сознанием наконец поняв, что это похищение, возможно, что его собираются разобрать на органы, попытался отвертеться от нее головой, но безуспешно. Тогда постарался не дышать, только имитировав дыхание и потом симулировать отключку, но не получилось. Тот, кто шел с баллоном с усыпляющим газом оказался профессионалом и сразу заметил уловку «пациента». В солнечное сплетение прилетел сильный удар, Антон скрючился от боли, рефлексивно выдохнув, а потом естественно глубоко вдохнул и снова уплыл в небытие, ибо на лице в этот момент снова оказалась маска.

Снова пробуждение. В ушах стоит гул самолетного двигателя, да и глаза через все ту же пелену подсказывают, что он в самолете, причем не один. Вот напротив еще несколько бедолаг связанных в креслах сидят. Еще удивился, что на голове нет мешка, чтобы похищенный ничего не заметил.

Впрочем, наоборот, все логично. Ибо глаза первыми выдают состояние человека. Да и какой смысл похитителям особо шифроваться если это «черные трансплантологи»? Их

пациенты после потрошения не выживают. Сложно жить без почек, печени, сердца и легких, а так же без капли крови, особенно если она у тебя редкой группы.

Снова куда-то тащат. Нет, на этот раз везут на каталке по коридору, перед глазами солнцами проплывают лампы освещения, что подтверждало мысли о том, что его сейчас будут потрошить.

«Вот и имей после этого крепкое здоровье, – с трудом проскользнула мысль. – Был бы я сейчас больным, никто бы мной не заинтересовался...»

Снова беспомощность.

Но с новым пробуждением все резко изменилось. Мысли обрели кристальную четкость, казалось, он никогда раньше не мыслил столь ясно. Глаза тоже все хорошо видели и слух не подводил.

Климов обнаружил себя сидящим в одних трусах в каком-то кресле с надежно зафиксированными руками и ногами, а так же грудью, так что не дернуться. Голова тоже в тисках, не пошевелить. Только глазами и можно двигать.

Слева, на столике стоит мощный ноутбук, провода от которого тянулись как к датчикам, коими облепили его тело, так и к аппаратуре над головой. Ее он увидел в отражении большого зеркала напротив, как в американских «полицейских фильмах» в допросной. Чем-то эта штукавина напоминало то, куда по доброй воле сунул свою голову Шварц-ниггер в фильме «Вспомнить все», чтобы получить ложные вос-

поминания о том, как он прекрасно провел отпуск на Марсе.

– Клиент в норме, – прозвучало на английском.

Ну да, Антон Климов знал не только английский, но и французский и даже немного немецкий, его уже в школе учил. Мать с отцом у него происходили из дворянских родов, о чем он узнал только в девяностые, когда это не только стало можно обнародовать, но даже и модно искать дворянские корни. Все это время знание этих двух иностранных языков являлось обязательным в семьях предков, по линии матери изучали французский, по линии отца – английский. Так же его научили хорошо играть на всяких пианино с роялями, а главное – на гитаре. Этакий последний рубеж показывавший, что они не как все остальные, а на ступеньку выше – аристо.

– Что происходит? – спросил он все-таки, но по-русски.

Ему никто не ответил, подошедший человек в белом комбинезоне, только ввел ему в вену какой-то препарат, отчего Климов словил если не приход, то что-то похожее, в глазах замерцали разноцветные пятна, сознание одновременно поплыло и в то же время оставалось четким.

– Начинаем...

На голову опустили этот колпак со сложной электронной начинкой, а перед глазами поместили экран, на котором так же замерцали какие-то картинки. Это на некоторое время снова спровоцировало у него провал в восприятии реальности, а когда вновь пришел в себя услышал вполне русскую

речь, чистую без тени акцента...

– ...Антон ты решил вернуться на Родину, чтобы защитить ее от врагов... засевших в Московском Кремле... ты хочешь...

Снова замерцал видеоряд, на экране быстро сменяя друга друга появлялись фотографии различных политических и военных деятелей. А вкрадчивый голос продолжал что-то вещать и создавалось впечатление, что это голос самого Климова, его желания, его цель...

Неожиданно сильно тряхнуло, аж подбросило. Раз, другой. Столик с ноутбуком упал, с криком салился вкрадчиво нашептывающий ему текст гипнотизер. Что-то заскрежетало, звонко лопнуло зеркало, за которым действительно обнаружилась небольшая комната, правда пустая. Свет, ярко вспыхнув в плафонах, погас, в голове Климова в этот момент словно граната взорвалась, и он отключился... но как-то странно ибо так как ощутил себя парящим словно в невесомости и одновременно летящим со сверхсветовой скоростью.

Бам!

Снова вспышка и Антон открыл глаза.

– Что за черт?.. – пробормотал он непослушными губами обнаружив себя в... где-то.

Деревянные досочки на стенах с обшарпанной краской неопределенного цвета. Тусклый свет даже на вид старинной лампы и какой-то неровный, то ярче светит, то тусклее. Над

головой нары с деревянным набором или что-то вроде этого. С трудом повернув голову, увидел иллюминатор и сумрак за ним.

– Где я?.. – прохрипел он.

– Ну ты даешь Михаил Антонович! – послышался веселый голос, и в следующий момент сверху показалась голова молодого мужчины с усиками. – На корабле, где же еще?! Но так пить ты заканчивай, а то еще немного и имени своего не вспомнишь!

«Какой еще Михаил Антонович если я Антон Михайлович?» – все еще плохо соображая, подумал Антон и провел правой непослушной рукой по лицу, чтобы хоть немного разогнать кровь и избавиться от поганого ощущения, что у него вместо лица маска.

Но рука так и застыла в районе рта.

– Что за черт? Откуда у меня усы? Терпеть не могу эту волосню на губе...

Провел языком по зубам и попытался резко принять сидячее положение, ибо зубы оказались не его. Не тот профиль и пломба отсутствовала.

Попытка сесть почти удалась, вот только в глазах от резкого движения потемнело и, наверное, все это вместе что-то сдвинуло в голове. Внутри черепа словно очередная свето-шумовая граната рванула.

– М-м-м... – схватившись за голову обеими раками, застонал Антон, падая обратно на подушку, едва удержавшись,

чтобы не заорать в полный голос.

Сверху прыгнул сосед по каюте.

– Что с тобой, Михаил?! – спросил он обеспокоенным тоном.

– Все... в... порядке... – раздельно ответил Антон, только что осознавший, что он теперь действительно Михаил Антонович Климов и плывет на пароходе во Францию в составе Экспедиционного корпуса русской императорской армии.

«Ну хоть звание идентично – капитан, – отстраненно подумал он, параллельно вспоминая, что так звали брата прадеда, который погиб как раз во Франции в одной из случившихся там мясорубок. – Хотя нет, он штабс-капитан, а это... на ступеньку ниже, старлей на наши деньги. Или нет... это штабс-капитан – капитан, а капитан – это по-нашему майор. Вот блин нагородили херни с званиями!»

– Точно? – не отставал сосед, оказавшийся штабс-капитаном Гуманюком Иваном Петровичем, с совсем уж здоровенными усами, как у Буденного кои ему совсем не шли. – А то ты побледнел весь... белее простыни стал...

– Нормально. Все прошло...

Наверное, сосед и дальше бы докапывался, но тут дверь в каюту открылась и внутрь о чем-то весело болтая валилось еще два офицерских тела.

1

– Пойду, свежим воздухом подышу... – сказал своим соседям Антон и накинув китель, на котором над белым значком мальтийского креста на левом кармане, а сверху на банте болтался одинокий крест с мечами, покрытый красной эмалью, и поспешил покинуть каюту.

Ему требовалось пережить и осмыслить все с ним произошедшее в одиночестве, чтобы никто не доставал пустыми разговорами во время которых мог сорваться и наговорить того, чего говорить не следует тем самым испортив отношения.

На палубе оказалось не протолкнуться от солдат, реально яблоку негде упасть. Многие курили, другие занимались починкой формы, играли или еще какими-то своими делами занимались. Климов поспешил пройти к носовой части и подняться на бак, где кучковались офицеры. Офицеры тоже курили, о чем-то переговаривались, слышался тихий перебор гитарных струн.

– Господа... – нейтральным тоном поприветствовал он всех скопом и занял относительно свободный пятачок, не примкнув ни к одной из групп, тем самым показывая, что сейчас не расположен к общению с кем-либо.

Опершись руками о теплый металл фальшборта, Антон невидяще уставился вперед. А по обе стороны, что называет-

ся на расстоянии вытянутой руки, медленно проплывал песчаный берег.

«Суэцкий канал», – определил Антон.

Собственно маршрут доставки Первой особой бригады выбрали не самый короткий. Сформировав ее из запасных полков под Москвой, дальше по железной дороге погнали через Самару (где подобрали второй полк бригады, сформированный там же), Уфу, Красноярск, Иркутск, Харбин в Дальнью, там погрузились на французские пароходы с заходом в Сайгон, Коломбо и Аден, сейчас вот по Суэцкому каналу идут, а конечным портом прибытия должен стать Марсель.

«Через Америку с выходом из Владивостока, через Панамский канал было бы наверное быстрее, – подумал он вяло. – Полтора месяца уже в пути... Или канал еще не достроен?»

Этого факта он не помнил, а спрашивать не стал. Не до каналов ему сейчас было.

Осознать факт попадания было тяжело. Чужое время, другие реалии.

– Проклятье...

Антон зажмурился и встряхнул головой.

Что с ним произошло особо не думал. Вариантов немного.

После сокращения армии а-ка Табуреткиным, он же Мебельщик, он же Султан, Климов уволился из армии в звании капитана ВДВ, только-только получил звание, но найти себя на гражданке так и не смог. Карьера охранника его не пре-

льщала. Потыкавшись, помыкавшись, решил попробоваться себя в Французском иностранном легионе. Деньги там платят неплохие, плюс гражданство французское дают по окончании второго контракта, а это уже совсем другие перспективы, чем после службы в том же ЧВК.

Отбарабанив три контракта, один по пять и два по три года, быстро добравшись до звания сержант-шефа, Антон решил уволиться, денег скопилось прилично (особо не тратился, опять же удачно вложился в биткоины на начальном этапе), можно пожить для себя, и вот тут-то и начались проблемы. Отпускать его не хотели. И дело не в том, что из него такой уж превосходный заместитель командир взвода получился. Русских сейчас вообще пытались всячески удержать в Легионе в отличие от тех же окраинцев коих наоборот в массовом порядке увольняли досрочно.

Ну да, началась СВО в Украине и франки не хотели, чтобы русские легионеры усилили собой силы российской армии. Даже предлагали различные заманухи вроде улучшенного контракта с обучением в офицерской школе для получения первого офицерского звания, что вообще-то редкость редкостная, но Климов уперся рогом.

Ехать на СВО он особо и не думал. Много непонятного там для себя видел Антон. Например, почему до сих пор не раздолбаны мосты по Днепру и продолжается подвоз боеприпасов к линии соприкосновения со стороны Украинской армии? Ведь достаточно разрушить мосты, уничтожить

остатки боеприпасов на складах восточнее этой реки и все, навики окажутся безоружными и сами отступят от Донбасса.

Но Антон отмахнулся от вопросов загадочных тактики и стратегии применяющихся на Окраине Генштабом России. Тем более что это все осталось далеко в прошлом... или в будущем – тут как посмотреть.

Франки в конце концов его отпустили, но напоследок подгадили, не дав воспользоваться транспортом Легиона, чтобы добраться до Франции, а выпнули за территорию базы в одной из африканских стран, где он проходил службу. Так что пришлось добираться самому через Египет, где его и переняли.

Сейчас он пытался разобраться с настоящим.

Ясно, что из подобных ему и скорее всего беглецов кои сдернули от частичной мобилизации за границу, где их прихватили за яйца, иностранные спецслужбы готовили зомби с помощью нейропрограммирования по какой-то новой методике с медикаментозным и аппаратным усилением. Вернулись бы такие «добровольцы» вроде Антона и «раскаявшиеся» на Родину, последних естественно всех прости ли бы, а потом начали бы срабатывать внедренные в мозги программы. И тут остается только гадать, что и кому вложили. Вот его, например нацеливали на диверсию в Кремле.

«Хотя как бы он туда попал? – подумал он. – Ну да мало ли?.. Вдруг удостоился бы награждения самим ВВП?»

Не ново, кстати. Американцы давно этим балуются, с се-

мидесятых годов, начали с синтетических наркотических препаратов вроде ЛСД, и надо думать достигли за это время определенного прогресса.

Потому со стороны наших власть- и баблоимущих надо быть полными дебилами, чтобы отправлять своих детей учиться за границу, где им хорошенько прокомпостируют мозги, чтобы сделать своими марионетками, что станут искренне считать, что поступают по собственной воле.

«А со мной так и вовсе петрушка вышла... Землетрясение как-то сыграло свою роль. Надо думать «колпак» этот электронный вывел мозги на иной уровень работы – мощный электромагнитный удар перегрузил устройство и как-то это все заставило отбросить мою информационную матрицу в брата прадеда, наверное ближайшее родственное вместилище, что находилось поблизости территориально...» – размышлял он.

Выводы так себе, основаны на слишком большом количестве допущений, если не сказать хуже – притягивании за уши, но иного объяснения у него не имелось. Да и не важно это все стало. Что случилось, то случилось и этот факт теперь не отменить. Сейчас следовало подумать о том, что делать дальше.

В окопы Первой мировой, или как сейчас говорят: Великой войны, защищать лягушатников ему хотелось попасть еще меньше, чем в окопы СВО. Там хотя бы бронезилеты выдавали, а тут кроме каски Адриана из жести в полмилли-

метра толщиной ничего не светит и придется ловить пули голой грудью.

«Или выbleвывать легкие из-за горчичного газа, он же иприт, или хлора», – подумал он, поморщившись.

Невольно подумалось, что на самом деле вся эта СВО началась не только и не столько для защиты жителей Донбасса от фашиков (восемь лет утирались, позволяя фашикам глумиться над людьми и ничего, а тут вдруг подорвались и как давай защищать), сколько из-за пиндосовских биологических лабораторий. Видимо разведка получила данные, что там приготовили что-то совсем забористое и готовы выпустить как-бЭ случайно из-за типО аварии, как это сделали с коронованным вирусом в Китае, где все произошло дескать по халатности сотрудников. Тем более что делали так в Окраине уже не раз. Сколько вспышек атипично протекающих, казалось бы, хорошо знакомых болезней произошло у соседей, что очень плохо поддавались лечению?..

Но тогда следовало бы и в других странах лаборатории разгромить, в Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане.

«Или там пока для нас не так все страшно в плане биогенной опасности из-за отсутствия в тех странах достаточного количества подходящего биологического материала для натурных испытаний? Ведь русских оттуда большей частью в девяностые выгнали ногой под жопу, а те, что остались полной картины не дадут, да и слишком подозрительно окажет-

ся если заболеют лишь русские, а автохтоны – нет...» – подумалось ему.

Встряхнув головой, прогоняя сейчас неактуальные мысли, Климов пытался понять, что ему делать в данный момент.

«Попробовать свалить с этой войны? – подумал он. – А как?»

Выпрыгнуть с борта, даже ночью не вариант. Заметят и выловят. Да и нет смысла рвать когти в данном регионе. Слишком уж тут... не здорово во всех смыслах этого слова. Подцепить лихорадку или еще какую дрянь раз плюнуть, а лечат тут прямо скажем посредственно. Да и средств нет, чтобы тут же убраться куда подальше в более цивилизованные места. Это в будущем здесь рай для отдыхающих, а сейчас та еще жопа мира с кучей всяких бандитских шаек.

«Во Франции? – обозначил он в мыслях следующую возможность побега. – Уже реальнее...»

Там, особенно в Париже офицеры окажутся по большей части предоставлены самим себе, ну как же, типа честь, долг и все такое прочее, дескать лучше сдохнуть, но не посрамить чего-то там. Антон хоть и имел дворянские корни, но для него это осталось пустым звуком, не проникся. Хотя видел и таких, что узнав о соей дворянскости начинали изображать из себя не весть что, выглядело глупо и противно.

«Останется только раздобыть достаточно бабла и можно делать ноги в ту же Америку, будь она неладна. Пистолет

есть, грабанем банк и вауля! Я свободен, словно птица в небесах!..» – повеселев от найденного выхода и в общем-то принятого решения, спел мысленно строчку из песни Кипелова Климов.

Личное оружие у офицеров имелось, это солдатам его предстояло получить во Франции. У реципиента так и вовсе два ствола в чемодане заныкано. Один табельный револьвер – «наган» 1895 года, а второй «маузер» С-96 – трофей, так что можно с двух рук палить!

Мысль пойти на преступление – ограбление, не вызывала у него ни малейшего внутреннего отторжения. Лягушатники (и не только они) по факту грабили Российскую империю, через продажных чинуш продвигая свои проекты по завышенным и невыгодным ценам, так что это будет где-то даже справедливо если часть награбленных средств вернется в руки одного из ее подданных.

«А в США найду чем заняться, тем более что общие вехи развития мне более-менее известны, так что не пропаду», – подумал он.

2

– Господин штабс-капитан...

Кто-то тронул Антона за плечо.

– А? Что?! – развернулся он и увидел перед собой поручика Василия Бодько.

Тут он осознал, что его окликали несколько раз новым именем, да он не отреагировал.

«Надо забыть свое старое и перестраиваться на новое, – подумал он. – Теперь я не Антон, а Михаил».

– Прошу прощения... – смутившись, произнес поручик.

Но его можно понять, совсем молодой парнишка, и двадцати нет и еще не принимавший участия в боевых действиях.

– Говорите, господин поручик.

– А что за песню вы напели?

«А я ептыть вслух это пел?! – мгновенно покрылся холодным потом Михаил, потому как если песню спел вслух, то и остальные свои мысли мог озвучить, а это уже даже не залет, а... перелет. – Надо себя лучше контролировать».

Быстро осмотревшись по сторонам, Михаил... теперь уже именно Михаил Климов увидел, что на него смотрят с любопытством и ожиданием, а значит ничего такого крамольного он все же не ляпнул забывшись.

Гитара тоже кстати играть перестала.

– Не могли бы вы спеть эту песню нам, господин штабс-капитан? Мы ее не слышали...

– Э-э...

Собравшиеся офицеры одобрительно загудели, дескать спой птичка, спой красава.

– Да, Михаил Антонович, спойте, – поддержал офицеров, подошедший полковник Нечволодов, командир первого особого пехотного полка. – А то скука просто невыносимая, а у вас оказывается есть никому неизвестная песня... и возможно даже не одна. Не хорошо так с обществом поступать, оставляя нас в неведении касательно своих поэтических талантов!

– Но я...

Михаил хотел сказать, что песня не его и он не помнит весь текст, только отрывки. С запоминанием текстов стихов и песен у него действительно имелись некоторые трудности. Но сейчас вдруг понял, что помнит эту песню от начала и до конца, даже более того, и многие другие тоже, что оставили в его душе определенный отпечаток сильно понравившись в свое время, так что он слушал их много-много раз.

«Это мне такой бонус с абсолютной памятью небеса прописали?» – с восторгом подумалось ему, ибо бонус был бы очень в тему.

Впрочем, губу с огорчением пришлось закатывать обратно. Память оказалась далеко не абсолютной. Попытка сходно вспомнить текст песни Кати Лель «Муси-пуси» с треском

провалилась.

«Но может это потому, что я ее ни разу не дослушал до конца?» – подумал он с надеждой.

Но как показала еще одна попытка вспомнить песню той же исполнительницы «Джага-джага», что он имел несчастье дослушать до конца, все равно не смог.

Ему протянули гитару.

– Хорошо...

Михаил, взяв гитару и присев на кнехт, перебрал струны, подтянул немного парочку и, не испытывая ни малейших неудобств от публичного выступления, запел, подражая автору песни, не опасаясь дать петуха, ибо из памяти реципиента знал, что голос у тела хороший.

Надо мною тишина, небо полное дождя,
Дождь проходит сквозь меня,
Но боли больше нет.
Под холодный шепот звезд
Мы сожгли последний мост
И все в бездну сорвалось
Свободным стану я, от зла и от добра,
Моя душа была на лезвии ножа...

Когда закончил, на судне стояла практически мертвая тишина, если не считать каких-то технических звуков. Потом слушатели взорвались криками горячего одобрения. Аплодировали.

– Ваша песня, Михаил Антонович? – спросил полковник Нечволодов.

– Моя, Михаил Дмитриевич, – присвоил себе авторство Михаил.

Потому как свалить на кого-то другого авторство не получится. Ну и чего греха таить, подумал, что, а вдруг за счет этого сможет что-то для себя выгадать, скажем благожелательное отношение полковника, а значит сможет с большей вероятностью дать увольнительную в город погулять, если вдруг с этим окажется все же строго, чем можно воспользоваться для побега. Правда для закрепления положительного отношения придется еще несколько концертов устроить и лучше если на них будет присутствовать еще и сам генерал-майор Лохвицкий – командир Первой особой пехотной бригады.

– Очень необычно... очень... ново... оригинально... Есть у вас еще что-то?

– Есть несколько, – кивнул Михаил, понимая, что если сказал «а», то надо говорить и «б», потому как не может человек сочинить всего одно произведение, если уж талант есть, то он раскроется как взорвавшийся снаряд осколками, вопрос лишь в количестве этих осколков, десятков или сотня.

– Что же вы от нас скрывали свои таланты, Михаил Антонович? Столько кукуем на этом судне... Право слово это где-то даже грешно... но, впрочем, неважно. Спойте еще что-нибудь, Михаил Антонович, у вас очень хорошо получается,

да и песни свежие.

– Просим! Просим! – загалдели офицеры.

И даже солдаты что-то одобрительно загудели внизу.

«Ах да... попаданец же, как же без песен? Но Высоцкого вам петь не буду», – мысленно усмехнулся Климов.

Мысленно перебрав композиции, решил на этот раз остановиться на Александре Розенбауме с его «Нарисуйте мне дом».

За второй пошла третья, потом четвертая, пятая... Шли разные исполнители, вроде Комиссара, Любэ, Лозы и даже Технология.

На девятой Михаил решил немного похулиганить, но так без фанатизма, и кивнул солдату с гармонью.

– Дай-ка братец свой инструмент...

Обучаясь в музыкальной школе, Михаил помимо рояля с гитарой, на которые его собственно записали, чтобы там зашлифовали домашнее обучение, освоил пусть и на любительском уровне гармонь с аккордеоном, барабаны и даже при случае мог на скрипке сбазать. Ну и чисто для прикола балалайку освоил. А вот что ему не давалось, так это духовые, все эти трубы, кларнеты и флейты с прочими саксофонами.

Взяв гармонь и на разводе пройдясь по кнопкам, затащил песню Леонида Аграновича «Не грусти». Ну и под конец вжарил Нику с ее «Подари мне поцелуй» слегка переделанную под мужской вариант исполнения, как изначально на-

верное и была написана. Эти две песни больше солдатам зашли. Но и офицеры приняли вполне благосклонно.

– Все господа, на этом, пожалуй, давайте закончим наш импровизированный концерт... а то еще немного и просто голос сорву.

Горло и вправду драло с непривычки. Опять же прокуренным оказалось и «прокопчённые» связки заболели.

«С куревом кстати надо завязывать», – подумалось ему.

Офицеры разочарованно погудели, сожалея что такой интересный концерт закончился так быстро, но отпустили.

Чтобы не пристали с разговорами на поэтические темы в которых он ни в зуб ногой, Михаил поспешил покинуть палубу, дескать в галюн срочно потребовалось. Действительно зашел, снизил уровень жидкости в организме и отправился обратно в каюту по пути усваивая биографию реципиента.

Килимов Михаил Антонович, тысяча восемьсот восемьдесят шестого года рождения... тридцатого октября.

«Это значит мне сейчас... двадцать девять... Ну неплохо, сбросил десяток... с хвостиком лет...» – подумал он.

За печами реципиента значилось Первый кадетский корпус и Павловское военное училище. Учился в целом неплохо и закончил его по второму разряду.

Потихоньку рос в званиях и на момент начала Первой мировой являлся поручиком 29-го Черниговского пехотного полка.

Контужен 07.03.1915 у деревни Зиомек; остался в строю.

Прошел 26.04.1915 Особый Царскосельский эвакуационный пункт и был направлен в Царскосельский лазарет № 44; проходил лечение в Царскосельском лазарете № 33, откуда выбыл в действующую армию 08.11.1915, в звании штабс-капитан. 21.01.1916 переведен в 1-й особый пехотный полк.

Чуть ли не главным критерием, по которому отбирали в него офицеров – знание французского языка. А он его знал хорошо. Хотя у большинства офицеров с этим все же оказалось не ахти. Кто бы мог подумать это при втором-то критерии?! Вторым критерием служило дворянское происхождение, хотя хватало уже и не дворян и только потом учитывался боевой опыт. Но и без боевого опыта брали, как того же поручика Бодько, не иначе по чьей-то протекции. Ну как же, во Францию поедут, ля-мур тужур.

Офицеров вообще гребли в Корпус отовсюду, набирая, что называется с бору по сосенке, лишь бы удовлетворили этим критериям и не опозорили Россию перед сверхчеловеками... которых поехали спасать от других сверхчеловеков.

Из наград успел заработать орден святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом, а так же орден святой Анны тоже четвертой степени с надписью «За храбрость».

Не женат и даже не имеет сердечных привязанностей. В общем положился на волю родителей, кого сосватают на той и женится. На редкость в этом плане пофигистичный человек с ровным отношением к женщинам, он их где-то даже побаивался.

Соседи по каюте к счастью уgomонились и общаться с ними не пришлось, так что Климов завалился на свою койку.

«А ведь скоро революция...» – безэмоционально подумал он.

Разруха. Миллионы погибших. Да и потом...

Все-таки предстоящая весьма трагическая история страны пробила скорлупу отрешенности и Михаил болезненно поморщился.

По поводу революции у Михаила Климова было сложное мнение. Царский режим сгнил до основания, тут вопросов нет и спасать его не то, что нет смысла – вредно. Да и как спасти того, кто не хочет спасаться? А чтобы спастись, нужно измениться, а меняться дворянство не желало.

«Да и что я могу в этом отношении сделать? – снова подумал он, с некоторым неудовольствием внутри. – Ничего».

Но и большевиков Михаил тоже не поддерживал. Слишком они, получив первый успех, заигрались в мировую революцию разжигая ее за счет средств России и в итоге все спустили в унитаз.

Потом, конечно, когда остались с голой жопой, спохватились, но опять же действовали словно руки из этой самой жопы растут, используя самые неэффективные решения из возможных. Словно специально выбирали.

Климов будто наяву представил себе бредовую картинку, как в кремле заседает правящая верхушка из революционеров. Перед Сталиным лежат несколько проектов, и он, по-

пыхивая трубкой, спрашивает:

«А какое из них самое затратное в реализации и неэффективное в работе, товарищ?»

«Вот это, товарищ Сталин, под номером шесть. Заводы будут, как вы любите, самыми большими в мире, управляемости никакой, логистика хуже не придумать, модернизация фактически невозможна без остановки всего производства, и хватит одной вражеской бомбы, чтобы парализовать работу всего завода и целого сектора экономики с ним связанных. Мы ведь их строить будем поближе к врагам, чтобы их бомбардировщики точно до них долетели!»

«Вот его и реализуйте. Когда война начнется, угробим ешо туеву хучу средств на их эвакуацию и палавыну заводов патэраэм в дарогэ».

«Слушаюсь, товарищ Сталин!»

«Есть предложение, как еще хуже сделать, товарищ Сталин», – предлагает еще один деятель лысоватый и колобковатый, вскакивая со своего стула.

«Гавары», – сверкнув желтыми палпатиновскими глазами, кивнул Сталин.

«Давайте запустим кампанию по перевыполнению плана! Назовем это Стахановским движением! Тогда станки без нормального обслуживания будут ломаться на порядок чаще, люди уставать сильнее из-за переработок и как результат лавинообразно возрастет травматизм на производстве, а также процент брака с нынешних шестидесяти процентов

поднимется до девяноста! Под это дело можно фабриковать дела по статье «Диверсия» или объявлять гондурасскими шпионами и всех оставшихся еще у нас специалистов и высококлассных рабочих загнать в тайгу валить лес тупыми топорами и кривыми пилами без зубьев, или вовсе расстрелять как врагов народа!»

«Мнэ нравэтся ваша ыдэя! Дэйствуйте товрысч Кукурузов!»

То же самое с производимой по лицензии продукцией. Складывалось впечатление, что из всех возможных вариантов выбирали самые херовые. Те же грузовики Газ-А в девичестве «форд» к примеру, маломощные, сложные и ломкие.

И вот такой дебилизм с чудовищно неэффективным освоением средств творился всю историю пока у власти стояли коммунисты.

– Тьфу...

В общем, поддерживать он их тоже не видел ни малейшего смысла, чтобы потом за счет России поднимать все эти нацокраины, строя заводы, раздавать им территории (не только Украина приросла окраинами, но и Белоруссия с Казахстаном, да и внутри много чего перераспределили, той же Чечне кусок прирезали), дабы потом они со всем этим добром откололись. Тут требовалось осуществлять третий вариант, только его не просматривалось.

3

Пока шли от Суэцкого канала до Марселя, Михаил Климов, когда позволяла погода и общая обстановка с волнением на море (все-таки весна, и это время на Средиземном море не самое тихое) успел провести еще несколько концертов, добавляя к уже озвученным песням по две новых.

– У вас, определенно талант, господин штабс-капитан, – отметил его генерал-майор Лохвицкий.

– Благодарю, ваше превосходительство.

Но вот затянувшееся путешествие длившиеся пятьдесят шесть дней осталось позади и утром двадцатого апреля 1916 года показался Марсель.

Солдатам спустили приказ:

– Надеть выходное обмундирование и прифрантиться, уложить вещевые мешки и приготовиться к получению оружия.

К офицерам этот приказ так же относился, так что люди принялись менять форму, в которой они провели все плавание на новенькие комплекты. Империя, чтобы не ударить в грязь лицом, кто-то все-таки понял, что выглядеть солдаты после перехода будут мятыми и закопченными не имея возможности толком постираться и отгладиться, снабдила бойцов двумя комплектами полевой формы и даже на дополнительную пару сапог расщедрились.

На носовой палубе, поблескивая начищенными трубами, построился оркестр полка. Город приближался. Вот стала видна пестрая толпа людей, запрудившая весь порт. Вскоре можно было уже различить радостные лица женщин, приветствовавших корабль. Впереди них, у канатов, сдерживающих толпу, стояли цепи французских солдат в синих мундирах и красных шароварах. Повсюду виднелись русские и французские флаги.

Солдаты, под что-то бравурное играемое французским оркестром, наверное все-таки гимн Российской империи, начали спускаться по поданным трапам с пароходов, тут же выстраиваясь поротно.

– Становись! Направо! Шагом марш!

Михаил, как и предыдущие командиры рот, а он сам командовал четвертой ротой первого батальона первого полка, так же повел своих солдат к пакгаузам, где получали французские винтовки и подсумки, но без боеприпасов.

– В колонну становись! – звучал приказ полковника Нечволодова.

Солдаты строились на просторной припортовой площади поротно и побатальонно уже с оружием.

Французское снаряжение оказалось хорошо подогнано – черные подсумки, совсем не похожие на русские, а какие-то квадратные, два спереди, а один сзади на плечевых ремнях, поддетые на поясной черный ремень, сидели хорошо на стройных фигурах отборных русских солдат.

С корабля вынесли полковое знамя при двух ассистентах в сопровождении знаменного взвода, вооруженного русскими винтовками. Впереди четко шагал адъютант полка с клинком, взятым под высь. Полковой оркестр заиграл встречный марш. Знамя пронесли по всему фронту полка. Солдаты сопровождали святыню торжественным взглядом. Чувствовалось, что в этот момент они испытывали искреннее чувство преданности своему знамени. Знаменщик полка, могучий, самый высокий в полку солдат, тяжело и твердо ступал своими огромными сапогами по камням набережной, чуть подрагивая головой в такт шагу. Белое с узором полотнище шелка, обрамленное золотой бахромой и кистями, тяжело колыхалось на древке.

– Полк! Шагом марш!

Практически сразу полк выйдя из района порта вступает в центральную часть города.

Климов, слегка поворачивая головой, осматривался по сторонам и слегка презрительно кривил губами.

Все балконы и окна домов украшены гирляндами разноцветных флажков союзных Франции стран, но больше гирлянд из русских и французских флажков. Много цветов, зелеными кружевами спускающихся с балконов. В марширующие колонны под восторженные приветственные крики полетели цветы, зелень и флажки.

– Вив ля Рюси!

Вдоль колонн понеслись вестовые с переданным от гене-

рала приказом:

– Отвечать ответным приветствием: «Да здравствует Франция!» и кричать «Ура».

Загромыхали ответные солдатские крики.

После этого возгласы марсельцев учащаются: «Вив ля Рюси!», «Вив ля Рюси!»

– Ур-ра-а-а! – заорали в ответ солдаты.

«Дебилизм какой-то, – удрученно подумал Михаил. – Будто не на войну, а уже послевоенный парад победы проходит...»

Генерал-майор Лохвицкий, между тем обменивался приветствиями и рукопожатиями с французским генералом и мэром города. И вот полк уже двинулся дальше, проходя церемониальным маршем перед властями города.

– А это точно русские идут? – услышал Михаил одну из француженок, что задавала вопрос своей подруге.

Говорила громко, почти кричала из-за общего гвалта вокруг.

– Почему ты спрашиваешь?!

– Ну, они же должны быть бородатыми, косматыми и медведеобразными... как на картинках! Помнишь, как в учебниках нарисовано?!

– Так то картинки...

Дальше Климов уже не услышал и снова скривился. Ну да, представляли, что русские – это такие дикари... как кавказские горцы из глухих аулов сейчас.

Пока шли, солдаты, которым быстро передалось восторженно-праздничное настроение встречающей толпы, украсили свои винтовки цветами, а офицеры обзавелись букетами цветов в руках. Лишь Михаил сбрасывал себе под ноги всю ту зелень, что ему пихали в руки и с каким-то мстительным наслаждением давил их сапогами.

Всех этих европейцев Климов ненавидел до глубины души. И правителей, и простых тупых обывателей, выродившихся непонятно во что с этой пидорастией и попытками легализовать педофилию. В свое время, будучи молодым и глупым он восторгался Европой, ну как же, свобода, законность, порядок и все такое прочее, что так жаждали считавшие себя демократической общественностью. Сам либералом себя считал и даже голосовал за «Яблоко».

Но постепенно восторги стали проходить, чем дальше, тем шире открывались его глаза на происходящее. Образ Европы потускнел, особенно с началом второй Чеченской кампании, когда отъявленных террористов-головорезов взрывающих дома, захватывавших театры, школы и больницы принимали в верхах президенты с министрами и называли повстанцами. Этого он понять уже не смог.

Так-то он считал, что раз хотели чеченцы независимости, то пусть бы они ее получили. Право народа на самоопределение как-никак, Бориска с дирижерской палочкой в своей трехпалой клешне опять же сам вякнул, дескать берите суве-

ренитета сколько сможете унести... понимаешь, но так, чтобы все чеченцы из России умотали к себе в Ичкерия.

Еще кто-то хочет независимости? Да валите на хер! Никому вы не нужны. Пиндосы с гейропейцами, поимев вас во все щели, только потом подотрутся вами же и выбросят на помойку...

Но окончательно он разочаровался в либеральном движении, так что слово либерал стало для него синонимом предательства, когда все эти либералы начали уже не стесняясь бегать в посольства западных стран с протянутой рукой. Даже главный Яблочник в этом отметился...

И Михаил тогда все никак не мог понять, почему либерал не может продвигать патриотическую повестку отстаивая интересы своей страны? Почему либералы обязательно ложатся под коллективный Запад и активно ему подмахивают при этом, обсирая собственную страну? Это ведь тем более удивительно, что именно они в начале девяностых захватили власть! Но как оказалось, ничего толкового сделать не смогли, только обворовали государство и снова упустили бразды правления. Слабаки только и способные что тьявкать, а как доходит до дела...

Ведь такой шанс представился Белому, одному из лидеров либерального движения, коего выбрали не то мэром, не то губернатором, и что же? Разжирел как свинья за считанные месяцы, а потом и вовсе поймали за руку со взяткой, как мелкого мошенника. Ведь знал же, что за ним станут следить

особенно тщательно и ему нужно быть святее Папы Римского, но все равно не удержался от соблазна хапнуть.

В какой-то момент заведенная толпа смешалась с русскими солдатами и полк сбившись с шага вскоре встал. Солдат угощали сигаретами, дарили шоколад, печенье. Откуда ни возьмись, появились ведра и кувшины с вином, сидром, и вот уже солдаты утоляют жажду. А кое-где француженки уже обвивают нежными руками крепкие шеи русских солдат и раздаются звуки поцелуев. Солдаты теряются, но все же отвечают полной взаимностью.

Особенно активно француженки вешались на солдатах первой роты первого батальона, прозванной ротой великанов, ибо туда отобрали солдат с ростом в пределах ста восьмидесяти сантиметров, в то время как средний рост солдат составлял сто семьдесят сантиметров плюс-минус и больше в минус, чем в плюс.

Кинулась и на Михаила какая-то француженка, но он ее мягко перехватил и не дал состояться поцелую, перенаправив на ближайшего солдата.

– Право слово, что вы ведете себя как бука, Михаил Антонович?! – поручик Бодько, опьянев от происходящего, да и винца хлебнуть успел, и оттого позволившей себе несколько фамильярное обращение с командиром.

Самого Василия, как и еще пару младших офицеров четвертой роты еще одного поручика и подпоручика, молодень-

кие француженки зацеловали так, что на лице «живого» места от «ран» не осталось, все заляпано «кровью» помады.

– Французский насморк не хочу подхватить, господин поручик, – с ироничной усмешкой ответил Михаил Климов. – Кто их знает, кем они работают? Может это проститутки из ближайшего борделя? Не забывай, город портовый и тут их много как нигде, и сношаются они с моряками со всего света пропуская через себя минимум по десятку клиентов в день! А так поцелуют и у тебя сифилис или гонорея, или все сразу. Согласись обидно обзавестись сими срамными болезнями, даже не трахнув как следует ни одну из них.

Поручик сначала вылупился на Михаила глазами по пять рублей от изумления, потом до него дошла вся опасность и от следующей желающей его поцеловать мамзели, он принялся отбиваться руками и чуть ли не ногами, между делом пытаясь лихорадочно оттереть носовым платком с лица помаду.

В конце концов французов удалось оттеснить и полк продолжил марш. Так, провожаемый ликующим населением, бригада прибыла в расположенный рядом с Марселем лагерь Мирабо, обнесенный каменной стеной с массивными железными воротами.

4

Но если кто-то подумал, что на этом все закончится, то нет, не прошло и часа, как горожане буквально осадили лагерь словно вражеское войско. Словно бомбы через стену полетели сначала все те же треклятые букеты, а за ними корзины со всякой снедью. Потом и вовсе марсельцы пошли на штурм, откуда-то взяли лестницы и приставив их к стенам ползли наверх откуда передавали вино и пили сами.

Продолжался этот бардак порядка часа, пока наконец подоспевшие полицейские не оттеснили всю эту восторженную до помешательства братию, что перепилась собственного вина от стен лагеря, дав наконец солдатам нормально устроиться в бараках-казармах и отдохнуть.

Для офицеров естественно подготовили условия получше. Правда никто задерживаться в лагере не собирался, все хотели после длительного плавания погулять по городу во всех смыслах этого слова.

– Сегодня и завтра отдыхаем, – сказал генерал Лохвицкий. – Сегодня только разгрузят наши пароходы, а завтра имущество загрузят на паровозы...

Все понятно кивнули. Помимо солдат везли всякое имущество бригады вплоть до собственных полевых кухонь.

Климов тоже выбрался в город, подумав: «При желании можно свалить хоть сейчас...»

Искушение было велико, но делать это именно сейчас не стоило. Без значительных средств далеко не убежишь, а идти на дело, когда полиция на усиленном режиме службы верх безрассудства.

Бухать с остальными в «Старом квартале», где располагались бордели, Михаил не стал и осмотрев доступные достопримечательности до сумерек, вернулся в лагерь, где оказался самым старшим офицером если не считать заявившегося в лагерь военного агента Игнатьева Алексея Алексеевича с каким-то кавказцем в звании ротмистра, что пытались наладить кормежку личного состава. Пришлось ему впрягаться в это дело.

Офицеры после вчерашней затянувшейся попойки и легкого опохмела под вечер двадцать первого числа шумели, активно обсуждая устроенную русским частям встречу и лишь Михаил, взяв стул пристроился в темном уголке, взяв бокал вина и медленно его попивал. Но как ни пытался он изобразить из себя невидимку, его конечно же не оставили в покое, особенно учитывая его совсем не восторженное поведение, и конечно же потребовали пояснений.

– А вы почему столь хмуры Михаил Антонович?! – докопался до него слегка перебравший вина командир первой роты первого батальона капитан Генроз.

– Я не хмур, Виктор Францевич.

– Как же не хмуры?! Вот, сидите тут как Кашей и зыкаете темным глазом...

– И правда, господин штабс-капитан, – поддержал капитана Генроза, еще один офицер, полковник Лисовский, военный прокурор при особой бригаде в котором видимо из-за профдеформации личности проснулся профессиональный интерес к нетипичному поведению «подозреваемого». – Что это на вас нашло?

«Вот блин, и смотрит падла, словно я уже совершил какое-то преступление, – мысленно хмыкнул Михаил. – Так вот, я еще пока только раздумываю над этим...»

Наездом этой парочки заинтересовались прочие офицеры и выжидательно уставились на Климова. Мысленно сплюнув, он ответил:

– А чему я собственно должен радоваться господа?

– Но ведь такой восторг...

– Восторг местных, я понять могу, – перебил какого-то младшего офицера Михаила. – Особенно мужиков. Как они отдаривались паршивого качества винцом, сигаретами да шоколадками за то, что мы и наши мужики поедут вместо них на фронт подыхать да дышать ядовитыми газами которыми нас конечно же попотчуют германцы. Я даже могу понять восторги женщин, ведь опять же мы, а не их мужья, братья или отцы поедут на всю туже войну, где не по ним будут стрелять из пулеметов и накрывать «чемоданами» разрывая в ошметки. Да, они нам искренне благодарны за то, что именно мы будем подыхать вместо них. Как не так давно вместо них подыхали какие-то индусы, а когда те кончились,

привезли негров из Западной Африки, а когда и они кончились привезли негров из Восточной Африки, а когда и они закончились, привезли индокитайцев, таких смешных узкоглазых ребят в соломенных шляпах, а когда и они закончились... угадайте с трех раз, кого привезли подыхать вместо жабоедов? Правильно господа! Нас! Вот я и думаю, а кем мы тогда являемся на фоне всех этих сипаев из французских колоний? Не таким же сипаями? Мне вот интересно, их встречали с таким же размахом и радостью на улицах?

Офицеры начали недоуменно и хмуро переглядываться о чем-то вполголоса заговорив между собой.

– Вы пьяны, господин шабс-капитан, и говорите глупости, – произнес ледяным тоном полковник Щолоков Иван Иванович, начальник штаба бригады. – Мы не сипаи, а выполняем союзнический долг!

– Именно, господин полковник! Именно! Долг! – распалился Михаил Климов. – Россия так должна Франции, как земля крестьянину, что решила расплатиться всеми нами! Нехай, бабы еще нарожаютЪ...

Михаил уже понял, что сорвался, говорит что-то не того, не тем и не там, но остановиться уже не мог. Да и зачем? Все равно скоро свалит отсюда, так что можно напоследок резануть правду-матку, выплеснуть весь негатив копившийся в нем все это время. А то видеть все эти наивно-восторженные рожи было просто невыносимо. Так что, демонстративно сделав глоток из бокала, пока полковник от возмущения

хватал ртом воздух, продолжил:

– Вот эти все буржуа, что так радовались нашему прибытию и были нам благодарны за то, что станем подыхать вместо них... а скажите мне, а точнее ответьте себе на вопрос, а насколько далеко распространяется эта их благодарность по отношению к России? Или дальше сифилисного поцелуя и корзинки с печеньем, – кивнул он на вазу такого подаренного печенья, – да бутылки с вином дело не дойдет?

При словах о поцелуе вздрогнул поручик Бодько и рефлекторно потер губы рукавом кителя.

– Ведь часть из них владеет облигациями госдолга России. Так ли далеко распространяется их благодарность, что может они порвут все эти бумажки? Ах нет?! Ну конечно же нет! Благодарность благодарностью, а деньги деньгами. Как говорят у нас, дружба дружбой, а табачок врозь! Вот и получается господа, что мы не только будем лить за них свою кровь, но они, выжив за наш счет, с России еще станут дополнительно тянуть деньги в качестве дивидендов по этим облигациям. Может ответит мне кто-нибудь, сколько сотен миллионов рублей реальным золотом Россия платит только по процентам? Хорошо устроились лягушатники, вы не находите? И подумайте еще над вот чем, нас ведь поставят не на второстепенный фронт, туда они, надо думать, собственных граждан отведут, что для них гораздо ценнее пришлых и которых можно не жалеть.

Зал погрузился в тишину, что с каждым мгновением ста-

новилась все более гнетущей. Все переваривали сказанное Михаилом и судя по тому, как все сильнее сдвигались их брови к переносице, до них начинала доходить вся глубина и абсурдность сложившейся ситуации.

«Зря... все-таки зря...» – снова раскаивался в содеянном Климов, глянув на комсостав бригады, а выражение их лиц не сулило ему ничего хорошего, по крайней мере от некоторых из них.

Не смог удержаться, тело реципиента, его гормоны, общая горячность, все-таки влияло на подселившееся сознание. Тут еще винца хлебнул, совсем раскрепостился...

Хотя, увидев легкую грустную усмешку генерала Лохвицкого, удивился.

«Готовит мне какую-то особенно пакостную каверзу или... согласен?» – недоуменно подумал он.

Покопавшись в памяти, выудил несколько сказанных еще на пароходе генералом фраз из которых следовало, что Николай Александрович являлся противником посылки русских солдат во Францию.

– Вы говорите недостойные русского офицера и благородного человека гнусности! Я буду настаивать, чтобы тебя отстранили от командованием боевым подразделением и... перевели в маршевый батальон! Там найдутся более достойные офицеры, что смогут повести солдат в бой и отличиться, не посрамив знамя бригады!

«Паскуда... как же я тебя... люблю! Обеими руками

«за»!» – мысленно засмеялся Михаил.

Перспектива командовать ротой обозников его ничуть не пугала, даже радовала. Подальше от окопов и вшей, в атаки ходить не надо. Лепота! Это в том случае если ничего не получится с бегством. Мало ли...

– Не стоит так горячиться, дорогой Иван Иванович, – похлопал по плечу начштаба подошедший генерал Лохвицкий, Михаил при этом встал со стула, сидеть, когда перед тобой стоит генерал даже в неформальной обстановке это уже оскорбление. – Михаил Антонович храбрый и достойный офицер и искренний патриот России, его награда тому свидетельство. У каждого может иметься свое мнение... пусть оно и было сейчас высказано в несколько резкой форме.

«Ну зачем?!» – мысленно с разочарованием простонал Михаил, ведь если бы его перевели в маршевую роту, то просидел бы в ней до конца войны ничем не рискуя и не ввязываясь в авантюру с ограблением банка, коя хрен знает как может в итоге закончиться, он ведь все-таки не грабитель.

– Я же вас прошу, господин штабс-капитан, больше не позволять себе таких эскапад, – обратился уже непосредственно к Климову генерал.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

– Покиньте наше общество, господин штабс-капитан! Немедленно! Вы мне омерзительны! – буквально выкрикнул взбешенный полковник Щолоков, что как, оказалось, являл-

ся тем еще франкофилом, готовым вогнать в землю тысячи русских солдат, во имя милой Франции.

– Как пожелаете...

Михаил Климов даже подумал в том плане, что оно и к лучшему.

«Хоть не будут больше доставать с музыкальными вечерами, достало играть и петь для этих снобов...» – сплуну он, выйдя из здания.

Впрочем, бойкот офицеров, что активно попытался инициировать начштаба, продлился меньше суток, толком даже не начавшись. Все-таки головы у офицеров на плечах имелись, а в этих головах хоть маленько, но присутствовали мозги, коими они даже иногда пользовались по прямому назначению, так что сказанное Михаилом влетев в одно ухо не вылетело из другого, по крайней мере не полностью, а частично впиталось в иссушенные уставом мозги заставив их работать, с трудом, но осмысливать услышанное. А осмыслив всю пикантность своего положения...

До бунта, конечно, не дошло, даже отдаленно им не пахло, но вот восторгов все же сильно поубавилось. Так что, когда погрузились в составы и поехали на север, смотрели из окон вагонов на встречающих их на каждой станции радостных французов как... Ленин на мировую буржуазию. Генералу Лохвицкому даже пришлось вмешаться и приказать вести себя с встречающими их бригаду людей более радушно.

– Улыбаемся и машем, улыбаемся и машем, – усмехнулся

на это Михаил, вызвав нервные смешки у тех, кто его услышал.

К концу пути в провинцию Шампань, куда их собственно и везли в район городка Верден, возле которого происходила в данный момент основная движуха окопной войны, Михаил Климов снова стал своим в доску, если не считать нескольких отъявленных франкофилов во главе с полковником Щолоковым, что его показательно игнорировали.

Вечером двадцать третьего апреля бригада вошла в пределы военного лагеря Майльи, представлявшего собой скорее военный городок. Располагался он в тридцати километрах от Шалона-на-Марне.

До вечера размещали личный состав по казармам. Заселились сами офицеры. То, что это лагерь Майльи – военный городок, сказано не для красного словца. Тут действительно располагались нормальные жилые дома в которых ранее проживали французские офицеры с семьями. Французы большей частью уже покинули территорию и их квартиры теперь отдавались в распоряжение офицерского состава бригады.

Младшие офицеры селились по четверо в квартиру, штабс-капитаны и капитаны с подполковниками расселялись по двое, а полковники ну и конечно генерал естественно занимали квартиры единолично.

Под самый вечер запланировали провести общий молебен по случаю благополучного прибытия.

– Становись! Оправиться!

Солдаты привели себя в порядок, одернув форму и разгладив складки.

– Смирно! На молитву шапки – долой!

Сняв фуражку и, как положено, разместив ее на сгибе левой руки Михаил крестился в положенных местах мысленно

матерясь, а не молясь. Для него вся это церковная ритуалистика лишь потеря времени особенно учитывая, что он сам считал себя атеистом. Но делать нечего, приходится выполнять бессмысленные ритуалы, которые если подумать, то к собственно вере не имеют никакого отношения. Можно подумать, богу есть какое-то дело до того, кто, как сколько раз осенил себя крестным знамением или поклонился? Глупость ведь! Ты или веришь, или не веришь, все остальное от лукавого.

Протоиерей Цветаев Николай Иоаннович протяжно тянул молитвы, ему помогал полковой священник Барсов Дмитрий Дмитриевич, что зыркал по солдатам взглядом комиссара, определяя нет ли симулянтов или еще каких проявлений ереси. Аж передернуло от такого преобразования, казалось бы обычного попики-тихони.

Еще один священник из второго полка в пику коллеге из первого отличавшегося крупным телосложением, но не жирным, вел себя как обычно. Более того, на его груди болтался Георгиевский крест, и вот он у солдат пользовался гораздо большей популярностью.

Климову все это было до фонаря, но что-то зацепило его взгляд в действиях рядом стоящего фельдфебеля Прокопия Анисимова. Вот после очередных дребезжащих завываний протоиерея, новая порция крестных знамений.

«Не понял...» – подумал Михаил.

Фельдфебель в момент прикосновения ко лбу поджимал

большой поближе к ладони и вместо трехпальцевого крестного знамения получался двуперстный.

«Раскольник? То бишь старовер что ли?» – подумал Климов.

Собственно, ему было глубоко наплевать на то, какую версию христианства исповедуют его временные подчиненные, он здесь ненадолго. Да даже если бы задержался и в этом случае тоже было бы наплевать.

Просто вспомнил такой фактик, что когда к власти придет Временное правительство и отменят обязательное посещение служб, то ходить на них станет в лучшем случае пятая часть, остальные на это дело забывают болт. Вот эти, что поджимают палец и прочие, что еще как-то выкручиваются, те и забывают. В общем получалась не самая приглядная картина, если подумать. Лишь пятая часть православного населения империи относит себя к последователям официальной РПЦ, а остальные держат фигу в кармане.

«Чего потом удивляться, что как бЭ коммунисты начнут взрывать храмы? Но при этом почти не трогали мечети и синагоги. – Подумал он. – Не коммунисты, а вот эти вот вынужденные притворяться староверы различных течений и начнут жестоко мстить официалам за свое притворство и вынужденный грех лицемерия...»

Чтобы не привлекать к себе внимание, ни священников, ни собственных солдат, Михаил, особо не вертя башкой искося понаблюдал за личным составом не только своей, но и

соседней третьей роты в момент крестных осенений. Заметил еще несколько человек, что проделывало тот же финт, что и фельдфебель.

Наконец вся это мутная бодяга закончилась.

– Накройсь! Смирно! Вольно! Разойтись!

Первым в лагере из высокопоставленных чинов отметился представитель русского главнокомандования генерал Жилинский Яков Григорьевич, являвшегося прямым начальником русских частей во Франции.

Офицеры встретили его, скажем так, прохладно, да и сам сноб еще тот, так что надолго не задержался, даже на ужин не остался. Получив отчет о путешествии от генерал-майора Лохвицкого он и тут же отбыл обратно в Париж. Был бы он хорошим военачальником, то во Францию, с глаз долой из сердца вон не отправили бы.

Как позже узнал Климов подоплеку дела, 19 июля 1914 года Жилинского назначили Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Из-за ошибок, допущенных им в военном планировании во время Восточно-Прусской наступательной операции, потерпела поражение 2-я русская армия, около шести тысяч военнослужащих которой погибли, почти пятьдесят тысяч попали в плен. Следом за ней потерпела поражение и 1-я русская армия, ранее успешно продвигавшаяся по Восточной Пруссии. В результате чего был сорван захват Восточной Пруссии.

«За такое расстреливать надо, а не отправлять на синекурные должности, да еще в милую Францию! – злобно подумал Михаил. – Остается только радоваться, что он тут ничего не

решает и не участвует в планировании операций».

Через пару дней в лагерь приехал смотреть бригаду командующий 4-й армией генерал Анри Жозеф Гуро. Именно под его начало была приписана Первая особая пехотная бригада.

Снова смотр. Французский генерал прошелся вдоль строя солдат пристально всматриваясь в их суровые лица.

«Ну все блин, Наполеона с этим взглядом косплеят, даже тот президент-пидарас Макрон и тот Наполеона из себя изображать любит, – раздраженно подумал Михаил. – Чего они все время хотят увидеть в лицах? Прыщик на губе или бельмо в глазу?»

Климов с удивлением увидел на груди генерала, помимо французских национальных наград орден святого Георгия четвертой степени.

«Когда? За что?!» – недоумевал он.

Из-за этого даже не сразу заметил, что у генерала не хватает правой руки.

«Ну значит было за что...» – сделал он вывод.

– Превосходно! – сказал он по окончании смотра.

После торжественной части занялись скучной административной деятельностью по передаче материально-технической части базы под контроль подполковника Свенарда Владимира Владимировича, что собственно являлся командиром маршевого батальона и отвечал за тыл бригады.

– Есть какие-то пожелания?

– Для начала, нам не помешали бы инструктора для освоения оружия, – сказал генерал-майор Лохвицкий.

– Да, конечно. Этот вопрос будет решен в ближайшие дни...

И правда решили. Через три дня прибыло два десятка инструкторов в сопровождении пары младших офицеров под командованием капитана Альберта Лелонга. А перед этим привезли несколько грузовиков с касками Адриана с прочим имуществом, уже выкрашенные в зеленый цвет и с кокардами в виде двуглавых орлов.

– И что, господи капитан, – вертя в руках каску, обратился к французу полковник Нечволодов с явным сомнением в голосе, – эти каски действительно могут от чего-то защитить?

Сомнения командира первого полка были понятны. Выглядели каски как-то не серьезно, особенно в плане толщины. Шутка ли, когда Климов взял одну такую каску козырек при желании можно было погнуть пальцем. Что, собственно, он и сделал. Толщина там составляла 0,3 миллиметра! Как у консервной банки!

Весила каска от семисот пятидесяти до восьмьсот грамм в зависимости от размера, а их сделали два.

«Да уж, это не советская каска, там толщина полтора миллиметра минимум и сталь используется куда как качественнее, а не это...» – подумал он.

– О, да! Опыт боев показал, господин полковник, что при использовании касок уровень летальных и санитарных по-

терь от ранений в голову снижается в два-три раза!

– И что тогда мешает сделать броне... то есть защитные жилеты вроде кирас? – спросил Климов. – Потери наверняка упадут еще больше.

– Увы, но нет, основные ранения в тело получаются из-за пуль, а никакая кираса винтовочную пулю не держит.

– Сделать толще, чтобы держала...

– Солдат становится, тяжел и неповоротлив и становится отличной мишенью. Так что здесь лучше положиться на скорость движения в атаке, чем на броню...

– Ясно, – сказал полковник. – Что ж, давайте начнем обучение. Для начала покажите нам, а потом уже ваши люди станут обучать наших унтер-офицеров под нашим приглядом, а потом уже они сами обучат солдат.

– Хороший план, господин полковник, – улыбнулся капитан Лелонг. – Поручик Деперт, покажите господам офицерам винтовку.

– Господа, – вышел названный поручик и подойдя к столу с образцами вооружения в числе которых были пистолеты и гранаты, взял винтовку. – Это «винтовка лебель» образца 1886 года модернизированная в девяносто третьем и получившая дополнительный индекс М93. Калибр 8 миллиметров. Оружие представляет собой магазинную винтовку с неотъёмным подствольным трубчатым магазином на 8 патронов с подачей за счёт пружины. Запирание продольно-скользящего затвора – за счёт двух боевых упоров в пе-

редней части боевой личинки. В закрытом положении стемпель рукоятки затвора почти упирается в заднюю стенку выреза ствольной коробки, что считается дополнительной мерой безопасности при использовании новых мощных патронов. Ствол длиной 800 миллиметров с четырьмя левосторонними нарезами. В теории вести огонь можно почти на 4 километра, но как понимаете господа, разглядеть цель на таком расстоянии практически невозможно, а попасть можно лишь случайно.

Слушатели понятливо посмеялись. Тут и два-то километра для «мосинки» избыточны, увидеть цель, да еще умудриться в нее попасть тоже за гранью реального.

– Максимальную эффективную дальность стрельбы определили в 1800 метров. Более важно, что дальность прямого выстрела составляет примерно 420 метров. Подача очередного патрона в патронник осуществляется вручную с помощью затвора, который приводит в движение качающийся лоток подавателя. Снаряжение магазина производится вручную, по одному, через окно ствольной коробки. Общую ёмкость винтовки можно довести до десяти патронов: кроме восьми в магазине, ещё один можно вручную положить на лоток подавателя и ещё один – вложить в патронник.

– Неплохо...

– В данной модели отказались от предохранителя, поскольку на марше винтовка всё равно переносится с заряженным магазином, но пустым патронником. Надо признать,

господа, что трубчатый подствольный магазин оказался средоточием как преимуществ, так и недостатков винтовки. С одной стороны, такая конструкция позволила создать компактную винтовку при большом боезапасе – практически вдвое больше, чем у большинства образцов используемых в настоящий момент, а с другой стороны, магазин приходится дозаряжать вручную, по одному патрону, и в результате практическая скорострельность «лебеля» уступает винтовкам с обойменным и тем более пачечным заряданием.

– Да, неприятно...

– Ложа винтовки – деревянная, из двух частей. Винтовка хорошо сбалансирована и обеспечивает быструю и удобную прикладку.

Поручик Деперт сноровисто продемонстрировал процесс прицеливания.

– Оружие комплектуется игольчатым четырёхгранным штыком длиной 52 сантиметра.

Достав штык, поручик закрепил его на стволе.

– Форма штыка позволяет легко пробивать кожаные элементы снаряжения и толстую плотную ткань. Штык крепится довольно жёстко: выступ под стволом входит в паз рукоятки, а кольцо гарды надевается на ствол, при этом вырез кольца фиксируется на широкой мушке. Кнопка защёлки располагается на штыке с левой стороны под гардой. Прицельные приспособления состоят из открытой мушки и ступенчатого прицела, размеченного до 2400 метров. Если откинуть рам-

ку прицела вперёд, открывается фиксированный прицел на 400 метров, которым собственно пользуются чаще всего. К винтовке можно приспособить 51-миллиметровый дульный гранатомёт VB образца 1915 года...

– О нем чуть позже Жан, – остановил поручика Деперта капитан Лелонг. – Проведи разборку.

– Слушаюсь, мой капитан.

Далее поручик произвел разборку винтовки с пояснениями того, за какими деталями нужно следить особенно тщательно и что может выйти их строя в первую очередь.

Настала очередь проводить обучение унтер-офицеров. Старшие офицеры ушли по своим делам, а Михаил отвлекся на второй стол, где еще один поручик французской армии обучал владению пулеметом Шоша. Ему действительно подходило другое название ружье-пулемет или автоматическое ружье, потому как именно на ружье они и походило, а на пулемет не тянуло.

Прежде всего, внимание привлек полукруглый магазин на двадцать патронов.

– Ну и херота... – тихо в изумлении пробормотал Михаил Климов.

Он подумал, что если бы агрегат облегчить, а то девять килограмм для ручной носки это все же многовато, и патрон послабее сделать, ага, тот самый пресловутый промежуточный, то вполне получился бы нормальный автомат. Ладно, херовый автомат, но все же автомат, простой в производстве

и обслуживании. А так, это именно что автоматическое ружье. Чтобы стать пулеметом ему нужно что-то с боепитанием придумать. Двадцать патронов на очередь, а потом муторно менять магазин под огнем противника, это не серьезно.

Применённая в пулемёте схема автоматики с длинным ходом ствола обусловила очень низкий темп стрельбы в 250 выстрелов в минуту и в 75 выстрелов при стрельбе короткими очередями. Выглядело это... бледно. Более того, он имел возможность стрелять еще и одиночными. В известной степени это обеспечивало устойчивость оружия в рамках концепции «блуждающего огня» (у пулемётчика «шоша» второго номера не предусматривалось).

Вообще о пулемете можно спеть песенку Алёны Апиной: «Я его слепила из того, что было...»

Конструкция Шоша представляла собой гремучую смесь из универсальных узлов, проверенных временем и нестандартных деталей.

Детали затвора изготавливались высокоточным методом фрезеровки из твердой стали и всегда были полностью взаимозаменяемы. Пулемет получил почти стандартный ствол винтовки «лебель», немного укороченный с дульной стороны. Радиаторы охлаждения были выполнены из ребристого литого алюминия.

С другой стороны, внешний корпус казенника представлял собой простую полую трубку, а остальные части пулемета изготавливались из обычных штампованных низкокаче-

ственных металлических пластин, причем скрепленных винтами, которые могли разболтаться после продолжительной стрельбы.

Пулеметчики быстро разобрались с этим чудо-юдом, в конце концов их в отличие от простых солдат набрали из опытных бойцов, и поехали на полигон для проведения практических стрельб. Михаил, увидев, что в нем нужды нет, младшие офицеры справляются в качестве переводчиков для унтеров, увязался с ними. Все-таки хотелось в реале посмотреть на стрельбу пулемета о котором так много слышал в свое время и получившего звание худшего их худших.

И вот на полигоне началась самая настоящая комедия с приставкой «траги», когда сквозь смех хочется плакать.

Как и ожидалось, первые проблемы преподнес сменный магазин. Даже инструктора не могли сменить его достаточно быстро, а уж когда за пулемет залегли наши пулеметчики, то слышался только глухой мат.

– И лягается сука, как конь какой-то... – пожаловался один из пулеметчиков другому, еще не стрелявшему, кривя рожу, потирая отбитое сильной отдачей плечо.

Патрон и вправду для пулемета оказался избыточно мощен (как и для винтовки, собственно), а так же из-за легкости конструкции его мотало из стороны в сторону, так что ни о какой прицельной стрельбе не могло идти речи.

Но это были лишь цветочки. Ягодки оказались впереди.

Один из пулеметов вдруг заклинило. Затвор не двигался

и ни туды, и ни сюды.

– Перегрелся... – с кислой рожей прокомментировал инструктор.

«Че, на?! – мысленно воскликнул Михаил. – Отстрелял полтора магазина и перегрелся?! А как с ним сука вообще воевать можно?!»

Судя по ошарашенным лицам зрителей, остальные тоже оказались в шоке от такой новости.

Дальше – больше.

Со вторым пулеметом пришлось повозиться по причине того, что последний патрон в магазине каким-то невероятным образом сумел кувырнуться задом-наперед и так влезть в приемник.

– Ну и говно, прости господи... – произнес один из совсем молодых пулеметчиков, при этом успевших заработать Георгиевский крест.

Послышался приглушенный смех.

– Ефрейтор Малиновский! – вскинулся в служебном рвении услышавший его прапорщик. – Следи за языком! Не посмотрю на то, что ты Георгиевский кавалер, определю строгое наказание!

– Виноват, вашбродь! Исправлюсь! – гаркнул тот, вытянувшись в струнку.

– Кха-кха! – надсадно закашлялся, подавившийся воздухом Михаил Климов, так что на него покосились.

«Как?! Малиновский?! – мысленно возопил он неверя-

ще. – Да ладно?! Может все же однофамилец?..»

Климов искоса присмотрелся к ефрейтору с «громкой» фамилией, коему фельдфебель поднес под нос пудовый кулак, тот демонстративно к нему принюхался, а потом скривил лицо, дескать воняет неприятно, что вызвало только еще одну порцию сдержанного веселья. Фотографию маршала и министра обороны он помнил хорошо.

«И правда, есть некоторое сходство, – неуверенно заключил он. – Но надо бы имя уточнить... Хотя, зачем? Что мне это даст? Только любопытство удовлетворить?.. Но вообще конечно неожиданно...»

Михаил невольно попытался вспомнить, кого еще можно из знаменитостей встретить.

«Революционеров разве что в Париже поискать? – нахмурившись подумал он. – Открыть на них сезон охоты что ли перед тем, как слинять? Только как этих тварей найти и есть ли они сейчас тут? Вроде в Швейцарии сейчас предпочитают гулять борцы за народное счастье».

Михаил еще раз тяжело вздохнул. Пристрелить при случае парочку другую ублюдков он бы не отказался. Вроде Троцкого и иже с ним откровенных агентов американских банкиров, да и фанатиков тоже не мешало бы обнулить.

«Можно попробовать частных детективов нанять? – снова подумал он. – Вот только они могут разведке стукануть, и та уже схватит за жопу меня...»

Что до пулеметов, то пулеметная команда выглядела хму-

ро. Несколько раз случились осечки из-за не сработавшего патрона, у которого имелась особенность в виде усиленного капсюля, это чтобы в винтовке носик пули не привел к случайному срабатыванию ударив по капсюлю впереди лежащего патрона. Тут и там слышались глухие разговоры:

– Может у них все же «максимки» есть, а? Хоть бы немецкие версии...

– Ага, немецкие версии они надо думать сами используют. Да и где на них патронов напасть?

– Это да...

– ...Или на худой конец «льюисы»?

– ...Да даже «мадсены» и то лучше будут. Тьфу!

«И это еще в полигонных условиях, что будет твориться в грязи окопов даже представить сложно», – удрученно покачал головой Михаил.

Солдаты первого полка в своем большинстве довольно быстро освоили винтовку и в этом собственно не было ничего удивительного, так как набирали его в основном из рабочих, а они с техникой дело имели, пусть и со станками, так что не терялись.

Из всей массы солдат искали особенно метких, чтобы сделать из них снайперов. Винтовки таких «охотников на людей», как их еще называли, оснащались троекратными оптическими прицелами.

Гораздо хуже ситуация обстояла с освоением оружия солдатами второго полка, набранных из самарских крестьян. Но даже более-менее разобравшись с устройством, стреляли куда бог на душу положит. Офицеры ругались, унтера откровенно матерились, дошло до того, что принцип полета пули объясняли на полете камня бросаемых самими солдатами.

– Ну?! Видишь, как камень летит?! Так же и пуля себя ведет только, летит она дальше, но по такой же дуге! А не все время прямо! И для того, чтобы попасть в дальнюю мишень надо ствол задирать чуть выше! Понял?!

– Так точно, господин фельдфебель!

В общем судя по синякам вскоре появившимся на лицах отдельных солдат унтера вбивали им знания в голову с помощью кулаков. Особо тупым вбивали знания розгами в бли-

жайшей рожице.

В общем, было «весело».

Пока второй полк осваивал винтовки, первый полк перешел на освоение 51-миллиметрового дульного гранатомёта VВ образца 1915 года, кои по штату французской армии полагались по шестнадцать штук на роту. Ну и наши ничего менять не стали.

– Гранатомёт представляет собой мортирку, которая крепится на ствол винтовки и предназначена для отстрела винтовочной гранаты с помощью холостого или боевого патрона. Основным типом боеприпаса является осколочная граната с дальностью стрельбы до ста девяноста метров, также есть осветительная граната, дымовая и химическая, а так же «граната связи». В последнем случае в пустотелый корпус можно заложить письменное сообщение и запустить ее на триста пятьдесят метров.

– Ага, ищи ее потом... – произнес кто-то скептически.

– При стрельбе гранатой следует упереть приклад винтовки в землю. Но в принципе можно стрелять и с рук... Масса гранаты четыреста восемьдесят грамм, изготавливается из чугуна, внутри имеет насечку для равномерного разрыва на фрагменты, радиус эффективного поражения до тридцати метров, но вообще осколки могут разлетаться и до семидесяти метров.

Сама граната оказалась весьма причудливой формы.

– Ручная граната F1 с автоматическим рычажным запа-

лом... – тем временем продолжил инструктор.

Михаил узнал «лимонку», что практически не изменилась с момента ее изобретения.

– Длина гранаты тринадцать сантиметров, диаметр – пять с половиной, масса – шестьсот девяносто грам. Время замедления порядка четырех-пяти секунд. Для приведения в боевое положение требуется выдернуть чеку. Благодаря новой конструкции запала, гранату можно держать в руках неограниченно долго. Это не как раньше с ударным запалом, когда после приведения в боевое положение гранату требовалось сразу бросать из-за чего эффективность метания сильно страдала.

Познакомились с менее мощным аналогом ОФ с массой двести пятьдесят грамм и даже химической гранатой яйцеобразной формы верхняя половина которой имела красный цвет.

К последнему изделию даже прикасаться было страшно. Внутри плескалась какая-то ядреная дрянь и чтобы использовать сей боеприпас следовало самому сначала защититься от поражающего фактора напялив на себя маску-противогаз иначе самому травануться можно раз плюнуть.

Противогазы, кстати, удручали своей конструкцией. Это вам не резиновая маска с банкой-фильтром. В общем попасть под химическую атаку в такой «тряпочке» не стоило.

Увидев противогаз в видле мешка со стеклышками и примерив его Михаил Климов только утвердился в своей решимости.

мости «рвать когти». Выглядел этот натуральный мешок с окулярами ненадежно.

– Новейшая маска-противогаз М2, – заливался соловьем инструктор, – конструкции Рене Луи Граверо. Представляет собой маску с абсорбентом с двумя окулярами. Способна защитить носителя от вредных воздействий химического газа до пяти часов...

Следующим из высокопоставленных лиц республики кто решил посетить лагерь Майльи и ради которого устроили большой смотр, стал генералиссимус Жозеф Жак Сезер Жоффр, Верховный главнокомандующий французскими армиями.

Его встретили уже с касками Адриана на головах.

После всех протокольных мероприятий, вновь состоялся фуршет, но с деловым оттенком.

После «протокольного» этапа пустопорожних разговоров с выказыванием восхищения видом русских солдат и нескольких тостов: за победу, Россию, Францию и императора, генерал-майор Лохвицкий поинтересовался:

– Господин генералиссимус, согласно ранее утвержденному плану, прежде чем занять свой участок фронта наши подразделения должны пройти практическую учебно-боевую обкатку на одном из участков фронта под Верденом, так как опыта ведения боев у солдат и части офицеров нет и не хотелось бы получить конфуз и стать причиной какой-то

военной неудачи. Сейчас середина мая, батальоны первого полка вполне готовы для проведения этого мероприятия.

Тут Михаил наострил уши, ибо услышанное ему сильно не понравилось. Тут явный риск попасть в переделку, так что операцию по сваливанию требовалось форсировать.

– Хм-м... господин генерал, с практической обкаткой целых подразделений русской бригады не все так просто и однозначно, – начал неуверенным тоном отвечать тот.

– Я вас не понимаю, господин генералиссимус. В чем заключается проблема?

– Как раз-таки в неопытности ваших солдат.

– Поясните. Ведь затем и нужно их отправить на фронт, чтобы обкатать их в реальных условиях.

– Все дело в том, господин генерал, что не так давно, как вы знаете, в феврале, на участке фронта под Верденном случилась довольно крупное и кровопролитное сражение. Там до сих пор нестабильная обстановка, регулярно случаются атаки со стороны германцев и в любой момент все может измениться. За очередной, привычной атакой, что уже приелись, может случиться новое полноценное наступление. Как вы понимаете посылать ваших неопытных солдат сколько-нибудь крупным подразделением туда просто опасно. Противник может сосредоточить именно на них основной удар и в итоге прорвать оборону. Мы не можем так рисковать. Кроме того, буду говорить начистоту, есть в этом деле еще и некоторый политический аспект, который тоже на-

до учитывать...

– Какой? – удивился командир бригады. – При чем тут вообще политика?

– Видите ли, господин генерал, вопрос отстаивания Вердена стал для французов делом даже не стратегической или даже тактической целесообразности, а вопросом нашей национальной чести и достоинства. Так что дело обороны Вердена, должно проводиться исключительно французскими войсками. Это как... ну я не знаю... скажем оборона русскими войсками... допустим Киева. Вряд ли русским людям понравилось бы, если этот древний русский город помогли бы защитить... к примеру англичане!

– Хм-м... это да, – аж закашлялся генерал-майор от представленной картины, так что пришлось отпить вина. – С них станется приписать всю победу в обороне себе.

– Именно об этом я и говорю!

– Хорошо, я понял вашу позицию в этом деликатном для Франции вопросе. Но что же тогда в этом случае делать нам? Офицерам и солдатам нужно получить опыт. А его можно получить только под Верденом ибо только здесь происходит какая-то активность. На других фронтах практически мертвое затишье, что не способствует приобретению навыков.

– Я могу предложить вам пройти упрощенную процедуру, скажем с двух батальонов собрать сводную роту. Взвода под началом старших офицеров мы разместим на разных участках фронта. В итоге их малое количество в случае попытки

противника провести крупномасштабную операцию не повлияет на ход боевых действий. Срок нахождения этой сводной роты определим в десять дней. То есть на срок, что часть находится на передовой и до ее замены отдохнувшим подразделением. Ваши офицеры и солдаты, вернувшись с практики, передадут полученный другим командирам рот.

– Что ж, господин генералиссимус я понял вашу логику, – с не самым довольным видом сказал генерал-майор Лохвицкий. – И если другого варианта нет, то нам не остается ничего другого как принять за основу ваше предложение.

В этот момент Михаил поймал на себе мстительный взгляд начальника штаба.

«Сука!!!» – мысленно воскликнул Климов, ясно осознав кто именно будет командовать этой сводной ротой.

По крайней мере можно смело ожидать, что Щолоков делает все для этого возможное.

«Может прибить его? – подумал он. – Жаль не получится... все у всех на виду».

Последним из значимых лиц посетивших расположение Первой особой пехотной бригады, сразу за Верховным главнокомандующим французскими армиями стал сам президент республики Раймон Пуанкаре. Один из «поджигателей» войны, сами французы прозвали его Пуанкаре-Война. Тут же после смотра, сказав кучу цветастых и патетичных фраз, что с такими воинами победа Антанты над Германией неизбежна и тому подобное, самолично надел на командира бри-

гады командорский крест Почетного Легиона.

Священники же воспользовавшись подвернувшейся возможностью получили разрешение на строительство церкви, кою и возвели за считанные дни солдаты второго полка, благо с материалами проблем не возникло, бревна завезли в кратчайшие сроки. Впрочем, материала закупили с запасом, чтобы построить еще и привычные солдатам бани. Для офицеров, тоже поставили.

8

После того как лагерь посетил президент Франции офицеры словно с цепи сорвались. Старший комсостав из лагеря практически пропал, почти все время проводя в Париже наведываясь в Майльи лишь эпизодически. Не отставали от них о офицеры среднего звена, катаясь в столицу республики каждые два-три дня, для чего установили очередность поездок. Младшие офицеры хорошо если раз в неделю могли вырваться в свет, а солдат вообще из лагеря не выпускали.

– Солдат ни под каким предлогом отпускать в город я не намерен! – заявлял Нечволодов. – Париж полон русских революционеров, и контакт с ними моих солдат недопустим.

В то же время, не стесняя себя французскими правилами, Нечволодов демонстративно восседал со своими офицерами в литерной ложе варьете «Фоли-Бержер», что, как ему казалось, вернее всего спасало офицеров первого полка от зловредной парижской политической атмосферы.

Михаил Климов и раньше невысоко оценивал офицерский корпус российской императорской армии, а тут оно и вовсе упало ниже плинтуса. В общем после того, как стало ясно, что бригаду больше со смотрами беспокоить не станут, штабс-капитаны и капитаны взяли за пример своих старших товарищей и тоже пропали из лагеря, сбросив все свои служебные обязанности на младший комсостав. Хорошо если на

полк оставался хотя бы один штабс-капитан или капитан, а на всю бригаду один подполковник или полковник. Причем оставались они в Майльи скорее по состоянию здоровья.

Не строил из себя «белую ворону» и сам Михаил, пользуясь любой возможностью посещения столицы Франции. Но если его сослуживцы посвящали себя культурной программе, заседая в кабаре и театрах, а так же в ресторанах и залегая в публичных домах, то Климов, после того как тоже отметил в первых трех пунктах (представления в том же «Фолли-Бержер» на его вкус оказались так себе – легкий стриптиз в качестве изюминки там выступала негритянка в юбке из бананов, но зрителям нравилось), побрезговав четвертым, изображал из себя туриста рассекая по городу на такси и прогуливаясь на своих двоих в районах которые его заинтересовали особо, но не городскими достопримечательностями, а наличием там банков.

И если грабануть сам банк не составляло большого труда, как-то во Франции этим пока особо не баловались, чай не благословенная Америка, охрана – одно название, в лучшем случае пара вооруженных человек, то вот с путями отхода все не слава богу. Слишком много полицейских на улицах, так что изрешетят машину в дуршлаг, ну и водителя свинцом напигуют, никто мазать как в кино с трех шагов не станет.

«Тупой налет среди бела дня, да еще в одиночку, не годится, нужны напарники для прикрытия. И даже если все получится, то надо где-то на несколько дней залечь на дно», –

думал он.

С залеганием на дно тоже имелись определённые сложности. Проблему он видел даже не только и не столько в полиции, сколько в криминальном элементе Парижа. Вот кто начнет его искать особенно активно, чтобы получить свою дольку малую... в размере ста процентов! А от этих тварей скрыться на порядок сложнее если вообще возможно. Перетряхнут город снизу доверху.

«Разве что заявиться в лагерь с награбленным и отлежаться там?» – подумал он.

– Нет, рискованно. Лучше уж сразу после дела сесть на любой пароход идущий куда угодно... Но опять же, могут план-перехват объявить, начав проверять в первую очередь именно порты и железнодорожные станции. Или я слишком нагнетаю? Но даже если и так, то лучше перебдеть, чем попасться из-за недооценки опасности.

В общем ограбление банка оказалось делом не таким простым, как могло показаться вначале. Климов даже начал постепенно подумывать о том, чтобы отказаться от лишнего риска, просто сесть на пароход и уплыть в закат.

Бродя по улочкам Парижа, заглянул в какой-то оружейный магазин. Мысль об ограблении его все еще не оставила, просто теперь он решил, что имеет смысл взять в качестве добычи что полегче – ломбард или ювелирную мастерскую, магазинчик что торгуют драгоценностями. Золото и камни всегда в цене.

А для того, чтобы навести на хозяина еще больше страху он решил, что для этого нужен длинноствол. Какое-нибудь ружье или дробовик. Пистолетики выглядят как-то несерьезно, и какой-нибудь отчаянный малый может решить, что успеет увернуться от пули. Тогда как большой ствол – это большой ствол.

– Что желаете, господин офицер?! – встретил его вопросом с любезной улыбкой от уха до уха продавец.

– Да... для начала, покажите мне ножи.

– Прошу сюда, месье. Вам для каких целей?

– Глотку вскрыть при случае...

– Кхм... – заперхал продавец, но быстро взял себя в руки и снова нацепил на лицо улыбку, правда несколько кривоватую. – Могу порекомендовать вот этот... Сталь высшего качества, очень удобная рукоять... так что даже если ладонь, кхм... влажная... то нож не выскользнет из руки.

– Годится, – кивнул Михаил, нож и впрямь подходил. – Теперь по огнестрелу...

– Какой тип ручного оружия вы желаете?

Выбор с ручным огнестрелом и впрямь оказался широк, от классических револьверов всевозможных моделей, каких-то совсем оригинальных «пукалок» вроде двуствольных уродцев, до привычных, можно сказать классических пистолетов.

– Что-то из пистолетов со сменными магазинами в рукоять. Эти барабаны и обоймы никуда не годятся.

– Понимаю вас, месье. На войне требуется быстрая перезарядка оружия.

– В точку. Пока перезарядишь барабан или сменишь обойму, тебя десять раз ухлопают.

– Вот месье, это «кольт» образца 1911 года пользуется повышенным спросом у офицеров французской и английской армии... сорок пятый калибр, семь патронов в рукоятном магазине.

– Тоже беру. Четыре запасных магазина и патронов к нему... давайте пока десять пачек.

– Всенепременно!

Обведя стену магазинчика на котором висел различный длинноствол от гладкоствольных охотничьих ружей с парой внушительных слобобоев до охотничьих же нарезных винтовок (собственно за тем, чем он и пришел), взгляд зацепился за помповое ружье.

– А вот это у вас что такое? Никогда не видел...

– Да месье, новинка, американское охотничье ружье «винчестер» модель 1912 года. Двадцатый калибр, трубчатый магазин на пять патронов. Отлично подходит для скорострельной стрельбы по маневренной дичи. Пользуется спросом у охотников на мелкую живность, вроде уток и зайцев.

«Мой размерчик... – удовлетворенно подумал Климов, по достоинству оценив калибр помповика. – Увидев такой ствол нацеленный в рожу, любой обосрется!»

– Беру... патронов тоже сотню дайте. Картечных.

Продавец чуть не заскакал от радости за прилавком. Оно и понятно, такой удачный клиент.

«И почему такое оружие до сих пор не используется в боевых действиях? Идеально ведь для захвата или обороны окопов!» – удивился Михаил.

Потом вспомнил эпитет «окопная метла» и понял, что еще применяют, и немцы вроде как даже возмутятся, дескать негуманное оружие, не соответствует правилам и традициям ведения войны.

«Вот ведь блин скоты, а?! Газы, когда выbleвываешь собственные легкие – гуманное оружие, а заряд картечи – нет! Где логика?!!» – изумлялся он.

– А это что, тоже охотничье оружие? – удивился Михаил, показав на винтовку с отъемным магазином, о чем свидетельствовало наличие запасного в общей композиции.

Такое сейчас, мягко говоря, не принято.

– Не совсем месье... Это так называемая «мексиканка» или правильнее говорить винтовка «диас» генерала Мандрагора, образца 1907 года. Калибр семь миллиметров. Автоматика винтовки работает на принципе отвода пороховыми газами газового поршня, который выбрасывает стреляную гильзу и сжимает возвратную пружину. На обратном движении с помощью возвратной пружины патрон извлекается из магазина и подаётся в патронник. Ствол запирается поворотом цилиндрического затвора. Прицельная дальность до 500 метров. Магазин на десять патронов.

– Неплохо... И чего с ней не так, что не взяли на вооружение?

– Очень сложная и капризная для простого солдата. Автоматика из-за загрязнения может отказать... Но она может стрелять как обычная, для этого надо переключить вот этот газовый регулятор в соответствующий режим. После этого перезарядка осуществляется вручную путем перемещения затвора назад и вперед. Кроме того, генералы решили, что патрон слабоват...

– Понятно.

– Будете брать? – с надеждой спросил продавец.

– Нет, и так набрал изрядно, – ответил Климов, доставая деньги.

Выйдя из магазина, Климов направился в менее богатые кварталы. Найти магазин, торгующий подержанной одеждой не составило труда. Ну не идти же ему на дело в своей военной форме?! В магазинчике с секонд-хендом он надолго не задержался, приобретя лишь старые ботинки на размер больше, коричневые брюки и облянялый парусиновый плащ длиной до щиколоток, что когда-то был темно-синим, а сейчас едва голубел. На голову приобрел коричневый берет какие любят художники, под кого собственно Михаил и решил замаскироваться. Там же, для окончательного закрепления образа, купил большой кожаный тубус под бумажные листы широкого формата.

Любую другую нищую братию на центральных улицах если и не гоняют, то привлекают внимание полиции и их отслеживают, а вот художники другое дело, они словно невидимки. Сейчас они могут привлечь внимание разве что своей относительной редкостью, ибо эти деятели в патриотическо-художественном порыве добровольцами отправились на войну искать творческого вдохновения. Чуть ли не батальон из этих творческих натур набрался, ну и почти все полегли... Смотрел как-то Климов в свое время про них фильм.

– Дебилы блин...

В другом районе закупились нормальной гражданской одеждой.

дой приемлемого качества, дабы выдать себя за горожанина среднего достатка.

В третьем магазине приобрел комплект мотоциклиста: потрепанную кожаную куртку, плотные штаны и шлем с очками, а так же мотоциклистские перчатки.

На дело решил идти следующим днем, то бишь вечером. А чтобы не светиться перед сослуживцами своими новыми покупками, заселился в гостинице среднего пошиба, накинув на себя плащ и берет, чтобы не светить форму.

Пока составлял схему расположения банков, он так же разузнал все магазинчики торговавшие ювелиркой и ломбарды. Обнищавшее за время войны население несло в скупку свои драгоценности продавая их задешево, так что по любому в запасниках должно скопиться изрядно всякого «рыжья».

Днем, снова в форме Михаил Климов провел доразведку местности выбрав приоритетные цели. Купил мотоцикл. На этом собственно деньги закончились.

– А ведь надо билет на пароход купить... Не золотом же расплачиваться?

Где взять денег Михаил долго не думал. Конечно же занять у сослуживцев! Это ведь даже не воровство, потому как эти скуки своих солдат фактически грабят. А на что они с всякими шлюхами гуляют? Своих денег надолго бы им не хватило.

Зашел в ресторанчик располагавшийся на первом этаже

публичного дома для офицеров (который русские офицеры практически оккупировали), он увидел тех кого собственно и надеялся обнаружить.

– А, Михаил! – пьяненько воскликнул какой-то капитан из второго полка с полуголой проституткой пышных форм, особенно в районе бюста, на своих коленях. – Наконец-то вы решили составить нам компанию! Давно пора! А то признаться, мы не знаем уже что о вас и думать?!

Остальные его товарищи согласно загудели, призывая присоединиться к ним.

«За пидораса что ли приняли?» – мысленно усмехнулся Михаил.

В другой момент он бы хорошо приложился по зубам говоруна, но сейчас ему нужны деньги.

На столе стояли бокалы с шампанским, при этом они играли в карты, как позже выяснилось на оплату проституток друг для друга.

«Да они похоже «кокосом» обдолбались! – подумал Климов, заметив на одном из офицеров белесый порошковый налет. – Собственно, как им еще столько времени поддерживать «боевую» форму?»

– Могу порекомендовать тебе мою Жу-жу! – разглагольствовал все тот же капитан, защекодав проститутку, сидящую у него на ногах. – Как она делает миньет, это просто невероятно! Божественно!

Та притворно засмеялась, стреляя блядским взглядом в сто-

рону Климова. Ведь говорили зачем-то на французском.

– Благодарю, господа, но я пришел просить занять в долг.

– В долг?! Зачем?

Остальные тоже удивились, ибо все были в курсе, что Климов по борделям не шляется, а значит тратиться ему практически не на что, разве что предположили, что он нашел себе постоянную индивидуалку работающую на дому. Климов, вполне прозрачными намеками, сам навел их на эту мысль в разговорах, чтобы о нем не думали различные гадости, кои только что озвучил капитан.

– Неужели проигрались?!

– Нет. Нашел прекрасную гитару, испанскую... своего рода аналог скрипки Страдивари, но стоит она как и скрипка этого мастера совершенно неприличных денег!

– Ах вот оно что!

Ну да, Михаил, заполучив славу певца, при этом оставался без собственного инструмента, а-ля сапожник без сапог.

– Ради такого дела мы конечно же скинемся для вас. Правда господа?

– Да! Да! На такое не жалко! – вразнобой слышались веселые возгласы остальных и полезли в портмоне, гребя оттуда деньги не считая.

Набралась весьма впечатляющая сумма.

– Только спойте нам что-нибудь Михаил! Душа просит песни! Эй! Есть в этом шалмане гитара?! – во всю глотну заорал капитан. – Принесите гитару!

– Да, спой нам!

Гитара конечно нашлась, ее принесла одна из проституток.

«Спеть вам суки? Ну давайте спою...» – подумал Климов.

Газманова «Офицеры», чье сердце под прицелом тут петь было бы несколько неуместно, если не сказать сильнее, так что выбрал неизвестного ему исполнителя, но чью песню он в свое время выучил наизусть несмотря на свои проблемы с запоминанием.

Господа офицеры, господа, стыд и срам...

Мы забыли, Россию и веру,

Горе нам, горе нам...

Куртизанки! Да гулящие бабы!

Кутежи, карты! Пьяная брань!

Мы ж пропили, всю русскую славу,

Не угодно ли, господа...

Что с того, что обуты и сыты мы,

И не хуже, чем у других,

Мы забыли, не хлебом единым,

Не тому, детей учим своих.

И на нас, погрязших в разврате,

Скорбно смотрят, отцы с небес!

Мы же злом, за добро им платим,

Знать лукавый попутал нас бес...

Золотая Россия... Господи...

Вразуми ты нас и спаси...

Ты наставь нас, на путь на истинный,

*Худо нам, худо, детям твоим.
На Руси испокон веку колокол!
Между господом и людьми!
Мать-Россия во все свои звонницы,
Колокольным набатом звони.
Мать-Россия во все свои звонницы,
Колокольным набатом звони...*

– Господа офицеры... Благодарю за деньги. Удачно отдохнуть. Честь имею!

И, прежде чем пьяные и обдолбанные офицеры, находящиеся в легком шоке от смысла песни, что они все-таки осознали несмотря на задурманенные кокаином мозги, успели как-то отреагировать, был таков.

Уже в дверях услышал эту пресловутую пьяную рань и судя по звонкому звуку под визг одной из девок, кто-то бросил в него бокал да попал в закрывшуюся дверь.

Ограбление ломбарда прошло без сучка и задоринки. Оставив мотоцикл в проулке, надеясь, что за десять минут его никто не стырит, дошел до цели, и вошел в пустой небольшой зал одновременно с этим напяливая на лицо маску противогаза, ту что с окулярами, кою он прятал под обширным беретом. Головной убор достаточно было снять, чтобы лицо тут же оказалось скрыто.

После чего перевернул табличку на двери, чтобы потенциальные посетители видели, что заведение закрыто. Дополнительно, дернув за верёвочку, зашторил стекло двери опус-

кающими жалюзи.

К счастью иных посетителей в ломбарде не оказалось, но и они бы не помешали, просто вырубил бы ударом по голове, и сноровисто вынул из кофра дробовик. «Винчестер» и вправду оказал на продавца за стойкой парализующее действие.

– Отомри!

– А?! Что вам нужно?!

– А сам-то как думаешь? Гони бабло и рыжье!

В общем продавец пытался юлить, но после нескольких ударов прикладом под дых и обещания отрезать несколько ненужных частей тела, для чего Михаил продемонстрировал купленный brutальный нож, стал вполне послушным, провел смежное помещение типа конторки, только без окон, открыл сейф в котором оказалось немало денег и золота.

– Это я удачно зашел! – удовлетворенно сказал себе Михаил, взвесив ювелирные изделия, что хранились в мешочке, навскидку под килограмм, а то и больше.

– Только не убивайте!

– Не ссы!

Вырубив продавца ударом приклада в лоб и связав его, Климов собрал все ценное в портфель и переодевшись в мотоциклетную одежду спокойно вышел наружу, благо что никого поблизости не оказалось.

Дробовик, разобрав, так же поместил в портфель. Внутри оставил только плащ с противогазом и кофр.

– Я свободен! Словно птица в небесах! – распевал Кли-

мов, заведя мотоцикл и покатив по улочкам Парижа в западном направлении.

Когда продавца хватятся, он уедет уже далеко, а потом ищи его свищи.

– Че за нах?! – мягко говоря удивленным тоном спросил себя Климов, осознав, что стоит у ворот лагеря Майльи, что относительно выбранного им маршрута находился в строго противоположном направлении.

10

– Я спрашиваю: че за нах?!!

Михаил Климов все никак не мог понять, как же так случилось, что он вернулся в лагерь. Что произошло? Он попытался вспомнить маршрут, но с некоторым удивлением осознал, что совершенно не помнит, что произошло с момента, как покинул окраины Парижа. Вот он едет «в погоне за Солнцем» и вдруг бац! он уже стоит здесь.

– Словно наваждение какое-то. Наваждение...

«Да ладно... не может быть... я же в другом теле...» – подумал он неуверенно, вспомнив, что перед тем, как попасть в прошлое, да еще в иное тело подвергся процедуре гипноза с четкой установкой на возвращение на Родину.

– Хотя что мы знаем о природе сознания? Еще меньше, чем о Темной материи... так что вполне закладка могла вместе с мной... душой эмигрировать.

«Плохи мои дела... не просто плохи, а еще хуже», – снова подумал он, заезжая на последних каплях бензина на территорию лагеря через распахнутые перед ним ворота.

– Что же теперь делать-то, а?

В режиме сомнамбулы Климов добрался до квартиры и только сейчас вспомнил о портфеле с экспроприированным хабаром. Он ведь даже не знал сколько и чего умыкнул, просто на вид оценил, что много и ему хватит на первое время

на новом месте раскрутиться.

Собственно, и сейчас у него не возникло ни малейшего желания проверять, сколько и чего украл, все равно не воспользоваться. Тут другая проблема возникла – куда все это заныкать?!

Дело даже не в проживающим вместе с ним офицере, а в денщике, что приходит убирать в квартире. Вот тот точно найдет, рано или поздно и конечно же скоммуниздит, тут же дезертировав, ведь у него-то установки на возвращении домой нет и если не окажется дураком – до конца жизни хватит.

Засунув пока портфель под кровать, сам он, не раздеваясь рухнул на нее же. Голова буквально звенела от пустоты, ни мысли, ни проблеска. Что-то ему подсказывало, что и остальные попытки побега ничего не дадут, снова задаст кругалю сам себя не помня и окажется в исходной точке старта.

Логичным шагом казалось обратиться к специалисту, что так же практикует гипноз. Ведь сказано же, что построил один человек, всегда сможет сломать другой. Так-то оно может и так. Да вот только как этому специалисту объяснить ситуацию Климов вообще не представлял. Ведь чтобы спец что-то ломал, нужно указать ему конкретную цель.

«Понимаете док, я прибыл из будущего... ну что вы так глаза пучите? Точнее моя душа попала в это тело... док, не надо так проникновенно кивать, и улыбочку эту монализовскую с лица сотрите, а то кулаком врезать по ней хочется.

И в общем там в будущем враги меня запрограммировали стать их агентом, они запрограммировали меня вернуться в Россию и убить всех кремлевских правителей. Я пытался от них скрыться, но они выследили меня... а нет, это из другой оперы, в общем хотел сбежать, но не получается, все время возвращаюсь назад и на Родину тянет, прям спасу нет! Сделайте что-нибудь доктор!» – представил Михаил возможный вариант общения с доктором.

– Ну что же, помогут, как пить дать помогут. В дурку запрут в камеру для буйнопомешанных... а лечат сейчас ни разу не гуманными методами, чего только обливание холодной водой стоит, не говоря уже про электрошок мозгов. Зажарят его до хрустящей корочки...

«А еще с половиной офицеров теперь в ссоре, – вдруг подумалось ему. – И эти суки настроят против меня вторую половину...»

Этот фактор тоже теперь следовало учитывать в своих дальнейших планах и не понятно, во что все это выльется.

«Ну, на дуэль они меня точно не вызовут, не те сейчас времена, чтобы шашками махать, да из пистолей стреляться, хотя хер их знает... – размышлял Михаил. – Максимум что мне грозит – бойкот. Вот начштаба порадует...»

– Срать на офицеров... и на Щолокова срать... хотя скорее это он мне поднасрет, так поднасрет, что с головой накроет!

То, что ему вскоре придется отправиться на фронт в со-

ставе сводной роты, Климов уже не сомневался. При встрече полковник ему так гадливенько улыбался, а значит вопрос решен.

– Ладно, не получилось выбраться относительно легко и чисто через рот, то по заветам сожранного, будем выбираться через жопу...

Михаил досадливо поморщился. Что-то вменяемое придумать сходу не удавалось. Понятно, что главная задача – выжить любой ценой.

«Надо придумать, коварнейший план...» – мысленно хмыкнул Михаил.

– А что для этого нужно? В идеале попасть на самый верх в структуре командования бригадой, ибо чем выше, тем безопаснее... Генералы вообще в нескольких километрах от фронта в штабах заседают. Отлично, стратегическое направление определено, теперь осталось разобраться с тактическими шагами воплощения плана.

Правда самый простой вариант – всех убить, одному остаться, тут совершенно не катил. На смену скоропостижно окочутившемуся комсоставу пришлют из России смену. Да и других желающих занять местечко повыше более чем достаточно и они выступят против него единым фронтом.

«Ну, тут я сам себе злобный Буратино. Так неосторожно себе на яйца наступил. Но кто ж знал?» – вздохнул он.

– Но мысль в целом верная... Будем посмотреть.

Офицеры, коих Климов в борделе опустил в их собственных глазах, по возвращении закатили скандал и потребовали возвращения денег. Деньги Михаил вернул, но ситуация дошла до генерал-майора Лохвицкого. Тот вызвал Климова к себе, как раз в бригаду заглянул, посмотреть на месте ли вообще солдаты и не разбежались ли по округе.

– Я же просил вас, господин штабс-капитан больше не позволять себе никаких провокаций, – начал он холодным тоном. – И вы обещали мне, что больше не повторится. Что вы мне на это скажете?

– Так ничего такого и не было, никаких провокаций, ваше превосходительство, – пожал плечами Михаил с невинным видом.

– А что же тогда произошло? Про вас мне рассказали много неприятных вещей.

Климов пояснил ситуацию ну и по требованию командира бригады спел песню.

– Кхм-кхм... да уж... положение... – покачал в изумлении головой Николай Александрович. – Вы мне симпатичны Михаил Антонович, песни мне ваши тоже весьма нравятся... и я не хотел вас подвергать лишнему риску, но вынужден все же подписать приказ о вашем назначении командиром сводной роты для отправки на фронт с учебно-ознакомительной

целью, что подготовил Иван Иванович. Отсидитесь там, а тут за это время все несколько уляжется. Да и я поговорю с офицерами... а то их поведение тоже надо признать, вышло за рамки приличий.

– Понимаю, Николай Александрович. Это действительно будет оптимальным решением.

В каком-то смысле Михаил даже порадовался такому исходу, дескать все что ни делается, все к лучшему. Это к тому, что получит опыт ведения боевых действий лично, а не в пересказе (где одну половину сведений пропустят мимо взора, а вторую половину перевернут), и значит на основном месте службы допустит меньше косяков, что просто неизбежно при обучении лишь теории.

Правда с самой ротой почему-то в последний момент переиграли и собрали ее не с двух батальонов, как задумывалось изначально, а со всего первого полка. И, судя по всему, их после срока на передовой должна была сменить вторая сводная рота из второго полка. Но да генералу виднее. Может время поджимало или еще какие-то политические мотивы давили.

В общем в конце мая рота оказалась в окопах под Верденом. Французы очень боялись прорыва фронта германцами, обстановка и впрямь оставалась напряженной, и потому, чтобы не возникло в цепи обороны слабого звена, раскидали взводы роты на значительное расстояние перемежая их своими подразделениями. А во взвода выделили по отделе-

нию своих солдат, что должны были стать инструкторами, на личном примере показывая все тонкости окопной службы и войны.

К Михаилу Климову приставили молодого лейтенанта, но опыта у него хватило бы на десятерых.

К линии фронта приближались в предрассветной тьме пользуясь всеми складками местности. Это было неудобно, кто-то из солдат уже успел вывихнуть ногу.

– Днем нельзя, если немцы засекут подход колонны, то тут же накроют артиллерией, – пояснял очевидные вещи французский лейтенант.

Подойдя к перепаханному воронками холму, наверное, использовался в свое время как наблюдательный пункт или как закрытая позиция для артбатареи, вошли в глубокий траншейный коридор тянущийся на восток изломанной линией. Шли наверное не меньше километра прежде чем достигли собственно окопов второй линии.

Третью линию только начали возводить и представляла она пока лишь кое-как отрытый ров полутораметровой глубины без дренажных канав и обрешеток для укрепления стенок. Собственно, даже не то, что вторая, но и первая линия обороны оказались готовы не полностью и работы над ними еще шли.

Но на этом путешествие не закончилось. Зашагали на север и шли довольно долго, петляя по окопам, то и дело заходя в траншеи первой линии.

Тут уже, довольно густо запахло мочой. Дойти до сортира солдаты себя по-маленькому не утруждали. Да и не пойдешь в толчок в ожидании атаки противника и тем более своей, когда желание поссать становится особенно невыносимо.

Но вот подул легкий ветерок с нейтральной полосы и потянуло приторно-сладковатым запахом. Кто хоть раз ощущал запах гнилой плоти, тот его никогда ни с чем больше не спутает.

Солдаты загудели.

– Тихо, мать вашу! – зло зашипел Михаил.

Ему вторили младшие офицеры и унтера.

– Почему так долго идем? – чуть не упав обо что-то споткнувшись с оттенком возмущения приглушенно спросил поручик Бодько.

Идти по дну окопа и вправду оказалось занятием непростым. Недавно прошел дождь, глина стала скользкой. Вообще-то дно окопов, как и стенки, обили деревянной решеткой, но из-за постоянных обстрелов часть грунта пробивалась сквозь прутья, дожди опять же подмывали глину и убирать ее не спешили, вот и образовывалось месиво.

– Чтобы германец не вычислил, где именно происходит ротация подразделений и не ударил по скоплению сил прибывших и еще не отбывших, мы используем каждый раз иной путь подхода...

– Понятно.

Там, где ландшафт местности сильно понижался и копать

еще глубже становилось просто бессмысленно (так и до грунтовых вод можно докопаться и тогда окоп превратится в пруд) траншеи формировались за счет мешков с грунтом.

Общая глубина приближалась к двум метрам, местами достигала трех, так что, на некоторых участках чтобы вылезти из такого окопа приходилось пользоваться лестницей.

Над некоторыми позициями густо натянули колючую проволоку, чтобы противник не смог спрыгнуть в окоп. Почему так не могли сделать по всей длине оставалось для Климова загадкой, а спрашивать не стал. Раз не сделали такой очевидной вещи, значит это для чего-то нужно. Может специально оставлены открытые участки, чтобы фрицы прыгали именно туда, где их ждут и подготовлены места для оборонительного боя? Ну и самим надо тоже как-то из своих окопов выскакивать в атаку. Хотя тут можно было сделать проще с откидывающимися секциями колючки. В общем ХЗ.

Пока шли по первой линии, через определенный промежуток встречались посты наблюдателей пытавшихся что-то высмотреть во тьме. Впрочем, тьма никогда не бывает полной даже в отсутствии Луны, так что какое-то движение на нейтралке засечь при удаче все же можно и тогда начинался переполох: стреляли винтовки, били пулеметы и рвались гранаты. Вражеского разведчика пытались уничтожить всеми возможными средствами. Но пока оставалось тихо.

По мере движения рота редела, она словно железнодорожный состав на каждой станции теряла по вагону.

Первыми отвалился пулеметный расчет.

С пулеметами кстати интересно получилось. После того представления с пулеметом «шоша», выяснилось, что он станет выступать как запасной ствол для запасного наводчика на случай выхода из строя основного пулемета. А в качестве основного должен стать пулемет «гочкисса». Просто с поставкой возникла заминка (французы в первую очередь насыщали ими собственные войска и восполняли потери непосредственно на фронте), которую разрешили за неделю до отправки сводной роты на фронт. Но пулеметчики его освоить все же успели, и он им понравился гораздо больше «шоша». Даже вздохнули с облегчением. Но оно и понятно, на фоне «шоша» любой другой покажется за идеал. Даже мелькнула мысль, что франки специально так сделали, чтобы не привередничали с «гочкиссом».

– Но все равно хуже «максимки», – высказал свое мнение все тот же неугомонный ефрейтор Малиновский.

Михаил случайно узнал его имя – Родион, так что да, тот самый, будущий маршал. Аж автограф взять захотелось...

«Дерзкий пацанчик», – с усмешкой подумал Климов, увидев, что тот ведет себя с офицерами на грани фола, так что нет ничего удивительно в том, что отношения с ними складывались не ахти, из-за чего страдал в плане наград.

Нет бы сделать выводы из прежнего опыта службы и попридержаться неизвестно откуда взявшийся у деревенского паренька гонор, но нет и на новом месте стал топтаться по ста-

рым граблям. Так-то вполне мог уже и три «Георгия» иметь, ну пусть даже два, а там и новый чин, но Родион чего-то закусил удила и практически нарывался на оплеуху.

«Скрытый сицилист наверное», – снова невесело хмыкнул Климов.

– Или наоборот...

Слышал Михаил в начале девяностых, (когда стали активно переоценивать личностей, а возродившиеся словно фениксы из пепла «аристократы» принялись искать «своих» среди «чужих», то есть среди высшего комсостава Красной армии), байку, что Малиновский на самом деле бастард некоего дворянина и отца своего он прекрасно знал. Отсюда его настойчивость в изучении именно французского языка (не немецкого или тем более не английского, кои в изучении даже вместе взятые легче французского). Не правда ли странное желание у крестьянского мальчугана? А так же стремление попасть на военную службу и стать офицером. Складывалось такое впечатление, что он по юношеской наивности и проистекающей из этого пылкому максимализму пытался кому-то доказать, что достоин быть сыном своего отца, может даже добиться его официального признания. Отсюда же и ершистость по отношению к командирам и дворянам, дескать я ничем не хуже вас.

Как бы там ни было Климов был сто процентов уверен, что именно Малиновский попадет в пулеметный расчет второй сводной роты.

Что до ТТХ «гочкисса», то они и впрямь не особо впечатляли. Масса двадцать три с половиной кило, патрон все тот же – восемь миллиметров «лебелъ», скорострельность пятьсот выстрелов в минуту, прицельная дальность чуть больше тысячи восьмисот метров с весьма оригинальным боепитанием в виде длинной пластинки-обоймы, хотя можно заправить и привычную по «максимуму» матерчатую ленту, но ее использовать не любили.

Но вот, изгваздавшись в глине с ног до головы, многие нет-нет да падали с глухими матами, наконец добрались до своей позиции, когда на востоке начало светлеть.

В предрассветных сумерках стало ясно, что участок окопа им достался частичной готовности, то есть представлял собой обычный ров полутораметровой глубины с бруствером из мешков с песком. Но если смотреть со стороны противника, должно было казаться, что укрепления тут открыты полноценные, а на самом деле копать и копать.

Пространство перед позициями, как и везде, оказалась перегорожено ржавой колючей проволокой с плотностью в пять-шесть метров в глубину. Тут и там подвешены консервные банки и колокольчики на случай если незаметно подберутся разведчики-диверсанты, коим потребуется пленник. Имелись еще какие-то хитрости на тот случай если банки и колокольчики противнику удастся обезвредить.

Казалось, что такое препятствие в принципе невозможно преодолеть, всех перебьют обороняющиеся, если только не растащить в стороны с помощью тех же танков зацепив кошками. Но нет, умудрялись как-то проникать и даже врываться в окопы, чтобы подохнуть уже там.

Французский лейтенант тем временем проводил для Михаила Климова экскурсию по позициям, показывая и рассказывая о местных «достопримечательностях».

– Вот этот участок длиной в сто двадцать метров, от одного хода сообщения со второй линией окопов до другого,

является теперь сектором обороны для вашего взвода, господин капитан.

Климов понятливо кивнул, не став поправлять оплошность лейтенанта со своим званием. Он тоже с обозначением француза себя не утруждал со всеми этими «су».

– Есть три укрытия, два для солдат, каждый рассчитанный на отделение в десять-пятнадцать человек и второй для офицеров.

У солдатского укрытия как раз началось активное шевеление. Проснувшиеся бойцы французской армии спешили в сортиры отрытые в ходах сообщения со второй линией окопов.

Солдаты выглядели весело. Ну как же, неделя прошла относительно спокойно, пара обстрелов не в счет, и смена прибыла, так что осталось дотерпеть до ночи и можно наконец свалить на законный отдых.

– Ну и офицерский...

Из офицерского укрытия так же вылез младший офицер с теми же потребностями, что и у солдат, только у них сортир находился в другом ходе сообщения.

Офицер тоже угрюмым не выглядел.

– Еще три укрытия во второй линии окопов...

Климов понятливо кивнул. Система проста и незатейлива, исповедует принцип яиц и корзин, то есть все яйца в одну корзину не складывают, а значит если германец удачно накроет первую линию окопов, то их заменят бойцы из второй.

Третья линия тут так же оказалась фактически в зачаточном состоянии, просто отрытая канава даже без намека на облицовку, стрелять из которой можно только из положения «с колена», а в паре мест и вовсе лишь лежа.

Что до убежищ, то они, по крайней мере на этом участке фронта, являлись фактически вкопанными на глубину десяти метров деревянными срубами. Хотя на более старых позициях укрытия давно сделали либо кирпичными, либо отлили из бетона. Каждое убежище имело два выхода, помимо того, что вело непосредственно в окоп, второй выходил в ход сообщения между двумя линиями окопов, либо наверх, если убежище находилось в центре. Так же убежища могли сообщаться между собой. Но в данном случае такой опции пока не имелось.

В офицерском убежище могло разместиться четыре человека. Как понял Климов это на тот случай если на данном участке будет готовиться наступление и начнут накапливать силы.

Так же в убежище имелась печурка а-ля буржуйка. Вот только топили ее не дровами, а древесным углем не дававшим дыма. Впрочем, днем топить все равно не рисковали, а вот ночью с этим проблем не имелось.

У солдат так же имелась печка с ведром воды на ней, так что в помещениях ночью было достаточно тепло и имели горячую воду к утру. При желании поставив чайник могли заварить себе чай или кофе.

В общем все у франков было хорошо продумано.

«У фрицев надо думать не хуже, а то и того получше, – подумал он. – Это только у нас скотские условия...»

– Далеко до противника? – спросил Михаил, что бросил свои вещи в убежище и снова вылез на свет божий, настроение опустилось еще ниже.

– Примерно полтора километра, господин капитан. Так-то далеко, но лучше лишний раз голову днем за бруствер все равно не высовывать. Стрелки на той стороне отменные. К тому же время от времени засылают их на нейтралку в оборудованную под стрелковую позицию воронку, и стрельба становится еще точнее.

– Понятно...

Потом пошла муторная текучка по определению боевого места каждому солдату. Поручика Бодько, Климов пока отправил во вторую линию окопов с третьим и четвертым отделением, при себе оставив фельдфебеля Прокопия Анисимова.

Французские лейтенанты меж тем долго и нудно передавали друг другу матчасть, начиная от лопат с кирками и заканчивая мешками.

«Прям верные ленинцы, – хмыкнул на это Михаил. – Контроль и учет...»

– Война войной, а обед по расписанию...

Причем свою порцию получили не только французские солдаты, но и русские. Все было учтено.

Как только опустилась темнота, успевшие поужинать французские солдаты, весело махая руками на прощание, рассосались по окопам. Скоро они окажутся в безопасной второй линии обороны, а часть уже днем пойдет в увольнительную...

Ночью Климов долго не мог уснуть, по опыту Второй Чеченской, в коей успел поучаствовать, все казалось, что к ним ползут с кинжалами в зубах злы фрицы... Даже сам лично вставал к перископу и внимательно вглядывался в темень пытаясь засечь хоть какое-то движение. Но тщетно. Постепенно все же успокоился и стоило только смежить веки, как...

Бах! Бах! Зазвучали винтовочные выстрелы.

Климов подскочил с койки.

Бух! Взорвалась граната.

Удивился, что французский лейтенант только лишь досадливо поморщился, но все же встал и накинув на плечи шинель направился к выходу.

– Разведчика похоже засекли... – сказал он ворчливо. – Поспать нормально не дают, сволочи...

Да-да-да-дах! Отстучал очередь станковый пулемет со второй линии.

Стоило Климову и французскому лейтенанту выбраться наружу, как все кончилось.

В качестве наблюдателей пока стояли французские солдаты, а русские их лишь дублировали. Солдат сделал доклад

своему командиру о засечке в зоне видимости движения.

– Подстрелили хоть? – спросил офицер и по тону вопроса стало ясно, что он явно не рассчитывает на положительный ответ.

Солдат его «не разочаровал».

– Никак нет, мой лейтенант. Ушел немец.

– Ладно, смотрите дальше...

Странное дело, но после этого переполоха Михаил уснул практически сразу и спал как убитый до самого утра.

Проснулся Михаил от нестерпимого зуда на голове.

– Проклятье...

Климов со вздохом принял вертикальное положение и запустил пальцы в волосы принявшись ожесточенно чесать голову.

– Не чешите укусы ногтями, господин капитан, только хуже сделаете, – произнес лейтенант. – Занесете грязь... Лучше расчешите волосы расческой...

Сам француз последовал своему же совету и прошелся по волосам расческой кою достал из кармашка кителя, висевшего над его койкой. Причем повесил он его на плечики.

«Сука! Так это вши!!! – только сейчас дошло до Климова. – Еще не хватало тиф подцепить!»

В этот момент у него стала чесаться не только голова, но и вообще все тело. Впрочем, он сразу понял, что это нервная реакция и силой воли подавил ее. Лейтенант тем временем выловил из зубчиков расчески пару мелких паразитов и раздавил их между ногтей.

«Мерзость какая!» – снова подумал Михаил.

– А, сука!

Макушку больно кольнуло.

Климов выцепил вошь пальцами и с гримасой отвращения раздавил ее по примеру лейтенанта, после чего достал

свою расческу и принялся ожесточенно водить ею по волосам. Никого не выловил, но это не значит, что в волосах никого не осталось и раздавленная вошь была единственной обитательницей.

«Может наголо побриться?» – подумал он.

Но решил в итоге, что все-таки не стоит, потому как если уж на то пошло, то брить придется и грудь и ноги и то что между ног, в общем... не поймут его офицеры когда увидят в бане. Еще примут за кого-нибудь не того, хе-хе...

Маленькая лампадка, выполнявшая роль дежурного освещения, позволила разглядеть показания хронометра.

«Ну что же, вши выполнили роль будильника, хотя благодарить их за это не стану, лучше уж все-таки просыпаться от более традиционных методов побудки», – подумал Михаил, ибо время действительно близко к моменту побудки.

Облачившись, Климов сходил в туалет.

Руки помыл с помощью лейтенанта, что полил ему над тазиком из кружки, зачерпнув воду из ведерка.

– Что за мерзость?! – аж отшатнулся от тастика Михаил, когда поднес воду к лицу.

Вдох принес отвратный запах воды. Дополнительное обонятельное обследование выявило, что вода воняет не пойми чем. Даже не мокрой псиной, как пахнет перекипяченная вода, а еще и... трупным запахом несло.

– Это еще не самый худший вариант, господин капитан, – с невеселой усмешкой ответил французский лейтенант. –

Эту воду еще пить можно.

– Это надо очень сильно жаждой страдать, чтобы такое пить! – изумился Климов.

– Увы, но это так. Но вода безопасна. Она процежена через марлевый фильтр и кипяченая.

– Нет... я пока еще не готов к таким подвигам. Но неужели нельзя что-то сделать? Организовать подвоз? Зачем местную использовать, если она настолько отвратная?!

– Пробовали конечно, но это не еда, воды не навозишься... К тому же возрастает риск уничтожения водовозов. Собственно их немцы выбивают целенаправленно, чтобы лишить нас свежей воды. Пробовали даже трубы тянуть, но первый же обстрел и трубу рвет на ошметки.

– Понятно. А колодцы?

– То же самое. Упадет поблизости снаряд крупного калибра и колодец буквально схлопывается, будто его и не было.

– Ясно...

Стали, словно зомби, почесываясь (тоже оказались жертвами кусачих вшей), под недовольное бухтение, выползать из своих убежищ солдаты.

– Не тянитесь, не на смотре, – махнул рукой на их попытки принять стойку «смирно» лихорадочно приводя себя в порядок, при виде офицера. – Вообще пока будем в окопах сидеть, мне до вашего внешнего вида дела нет, лишь бы не в одних трусах. Главное, чтобы оружие у вас было готово к бою и находилось под рукой. Ясно?

– Так точно, вашбродь! Дозвольте обратиться...

– Говори.

– Вода здесь...

– Да, я в курсе, самого только что чуть не стошнило, когда умыться попытался. Так что этот вопрос нам надо будет решать как-то самим. Колодцы, как говорят старожилы копать бесполезно, так что или дождевую воду надо попытаться собирать или еще как-то выкручиваться.

– Да как же ее соберешь?..

– Брезентовые части палаток коими обмотаны шинели попробуем расстелить.

– И правда, вашбродь!

– Так что дождь для нас не только проклятие, но и благо...

Появились «супники» – французские солдаты разносящие еду. Тоже та еще работенка, побегай груженный как мул по три-пять километров от места остановки полевой кухни до первой линии окопов. И не по разу.

– Хорошо устроились солдатики, поближе к кухне, подальше от начальства, – усмехнулся один из младших унтер-офицеров.

– Что он сказал? – поинтересовался лейтенант, отреагировав на говор солдат.

Михаил перевел «солдатскую мудрость».

– В мирное время – может быть, но не сейчас. Если кто-то думает, что занятие сие хоть и тяжелое физически, но безопасное, то глубоко ошибается. Потери среди «кухонных

работников» достигают двадцати, а то и тридцати процентов. Не каждое боевое подразделение несет такие потери во время наступательного боя... Немцы ведут за ними настоящую охоту, накрывая артиллерией, а самолеты-разведчики не упускают шанса провести штурмовку полевой кухни, обстреляв ее из пулеметов, а то и сбросив ручную бомбу. Но некоторые пилоты так насобачились их бросать, что стали в некотором роде в этом деле снайперами.

Климов все это перевел солдатам, так что отношение к «кухонным работникам» кардинально изменилось.

Завтрак состоял из куска хлеба с сыром и кружки кофе, что черпали из баков. Хлеб и сыр принесли нанизанными на палки, кои в свою очередь пара бойцов тащила на плечах. Палки у них тоже забрали на дрова.

– Эх... хлеба маловато... да и бурда эта горькая... – слышались приглушенные жалобы солдат, но при этом так, что слышно их было отлично, специально так исхитрились, авосьотреагируют. – Чаю у них нету, что ли? Пьют не пойми что...

– Пейте что дают, – рыкнул на них фельдфебель, хотя и сам, когда хлебнул содержимое, недовольно скривился.

Непривычны русские солдаты оказались к кофе. Да и само кофе тоже оказалось так себе. Сбодяженое наполовину не то из цикория, не то вовсе из жженого ячменя. В этот период с подвозом товаров из колоний у французов имелись какие-то проблемы.

Пока находились в лагере, там давали привычный чай, французские интенданты быстро поправили рацион стоило только об это попросить, им даже лучше. Ну а на фронте ради роты русских солдат, да еще рассредоточенных тонким слоем по батальону, никто заморачиваться не станет.

– Ничего, будет вам чай, когда на свой участок фронта встанем, – обнадежил их Климов.

– Это дело, вашбродь, – отозвался фельдфебель.

– Вот только ром в него добавлять вряд ли не станут.

– Ром, вашбродь? – удивился фельдфебель.

– Его.

После такого уточнения о рецептуре кофе, многие солдаты стали смотреть на содержимое своих кружек уже иным взглядом. Что такое ром, они узнали чуть ли не первым делом еще в лагере, да так хорошо, что многие отведали розг из-за не совсем трезвого состояния.

Так уж повелось у французов, что первыми ели солдаты, за ними унтера и только после всех – офицеры. В русской армии все наоборот. Офицерам зачастую было вообще наплевать, поели ли их солдаты или нет.

После завтрака, солдаты как по команде закурили. Французы достали сигаретки или набили табаком зачастую самостоятельно вырезанные трубки, ну а наши свернули «козьи ножки» из газетных листов. Каждый имел стратегический запас газетных листков.

Газету кстати «супники» офицерам тоже принесли. При-

чем как городские издания, аж из самого Парижу, так и фронтovou. Во французских армиях имелись собственные газеты, правда с разной периодичностью издания от недели до месяца. Доходило то того, что какой-нибудь отдельный полк выпускал собственный листок.

В небе застрекотал самолет, летевший с востока. Летел на приличной высоте, но французы все равно открыли по нему бешеную стрельбу из всего что могло стрелять. Задолбили пулеметы.

Патрон франки используют мощный, на четыре километра пуля бьет, так что шансы достать супостата имелись. И закон больших чисел сказал свое веское слово, бойцы выпустили тысячи пуль и даже если всего одна десятая процента попала, этого хватило с лихвой. Так что пилот повернул назад, причем пошел со снижением под радостные вопли солдат.

Ожесточенную стрельбу солдат вместе с посылаемыми в сторону фрица проклятиями понять можно. Если самолет пролетит через линию фронта, то как пить дать начнет охоту за полевыми кухнями и если германскому пилоту улыбнется удача, то как минимум сами французы останутся без обеда, а возможно еще и без ужина.

Не смертельно. У каждого есть НЗ из двух порций сухого пайка, но приятного тоже мало.

После завтрака, Климов решил проверить как устроились остальные подразделения сводной роты. Нет ли каких проблем и жалоб, может быть недопонимания с аборигенами возникли. Но у солдат все оказалось нормально.

Жалобы звучали лишь по поводу все той же отвратной воды. Посоветовал с помощью брезента собирать воду, тем более, что судя по накатывающим тучам, дождь действительно скоро должен начаться через час другой.

Утром бойцы привели в относительный порядок свои шинели, что к этому моменту подсохли и теперь можно было выбить впитавшуюся в ткань глину в которой изгваздались вчера утром. Занятие бесполезное по большому счету, вновь изгваздаются, но солдат требовалось занять каким-то делом, чтобы не придумали дел себе сами.

К половине одиннадцатого снова примчались «супники». На этот раз действительно в жестяных баках принесли суп из говядины с рисом. Правда чуть теплый.

В небе снова внезапно появился самолет, только на этот раз французский. Он воспользовавшись низкой облачностью оказался в глубине немецких позиций. Немцы тоже начали стрелять из всего что у них имелось, но самолет летел все же далеко ватно. Впрочем, долго над вражеской территорией ему полетать не дали. Появилось сразу три немецких самолета и

пошли на перехват противника. Французу пришлось срочно уматывать, вновь ныряя в облака. Успел он при этом что-то разведать – бог весть.

Судя по вспышкам на крыльях немецких самолетов, фрицы начали активно стрелять по беглецу, но тот весьма проворно маневрировал, то пикируя, то вновь скрываясь в тучах.

Солдаты принялись стрелять по немецким самолетам, но на этот раз без успеха, так что очень быстро троица оказалась далеко на западе. Чем дело закончилось осталось для Михаила и прочих неясным. Назад немецкие самолеты над ними не пролетали или что вернее их просто не заметили из-за еще сильнее сгустившейся облачности, а немцы при возвращении наверняка нырнули в самую облачную гущу, чтобы не подвергнуться обстрелу с земли.

– Ладно, посмотрели воздушное цирковое представление, пора и за работу, – сказал Михаил, видя, что солдаты слишком расслабились. – Хоть окопы и не наши, но нам тут десять дней копать, потому надо привести их в порядок.

Начали копать. Работали примерно полчаса, а потом в небе послышался свист.

– В укрытие!!!

Ба-бах! Раздался взрыв где-то совсем рядом. Вздрыгнула земля и прилетело несколько комьев сверху. Солдаты с непривычки запаниковали, заметались как курицы, но после второго взрыва, что видимо прочистил им мозги, нако-

нец кинулись в свои убежища. Лишь один французский солдат-наблюдатель остался на своем посту в своей нише.

Снаряды взрывались не слишком часто, каждые десять-пятнадцать секунд, так что стало ясно, что это не арт-подготовка перед атакой.

– Нервы мотают? – несколько нервно спросил Климов.

Он тоже впервые оказался под обстрелом. Несмотря на то, что находился в крепком убежище, было страшновато, да что там страшновато, откровенно тряслись поджилки. Чтобы не опозориться, (ноги стали ватными), Климов присел на свою койку.

Лейтенант кивнул, а потом добавил:

– Тут сразу несколько целей: как психологически надавить, но это на обстрелянных солдат действует слабо, больше окопы не дают сделать нормальные и хотят разрушить уже имеющиеся.

– Понятно...

Немцы, вот так, что называется по капле, давили на нервы около получаса, а потом пошел дождь. Для стрельбы по квадратам осадки вроде не помеха, но все же долбить перестали. Хотя как подумал Михаил, что скорее всего просто выработали отведенную на стрельбу норму снарядов.

– Бывало такое, что после короткой паузы снова начинают бить?

– Не припомню... Да и смысл?

«Ну да, – согласился Михаил. – Бьют вслепую. Это в бу-

душем станут второй серией накрывать тех кто поспешил на помощь к пострадавшим от первого обстрела...»

Выбравшись наружу, Климов никого из своих солдат не увидел. Только лишь опытные французы вылезли на свет и тут же присели под навесы, что имелись тут и там, быстро поправив те, что покосились от ударных волн.

– Эй, воины! Дождь идет! Воду будем собирать?! – крикнул он в коридор солдатского убежища в котором слышался крепкий мат фельдфебеля, что пытался заставить своих подчиненных выбраться наружу.

Но рабочих просто так выгнать не получалось, матерились в ответ, дескать, нам и тут хорошо. Еще немного и там могла завязаться потасовка, коя неизвестно чем в итоге закончится, могла и трибуналом.

– Да черт с этой водой! – послышалось из глубины. – А ну как немец вновь ударит?! Из-за воды подыхать? Нет уж!

– Это еще не удар был, так легкая пощечина! Нежная! – засмеялся в ответ Михаил. – Или собрались там все оставшееся время провести?!

– А если и так?!

– Семенов! – послышался рык фельдфебеля. – Я щас тебя...

– Не получится, – снова засмеялся Михаил Климов. – Я вам сейчас газовую гранату скину! Быстро выскочите!

– Не зверствуй, вашбродь!

– Тогда вылезайте!

Солдаты с хмурыми лицами стали выбираться наружу. Последним выбрался фельдфебель Анисимов подталкивая замешкавшегося подчиненного ударом кулака по заднице.

– Ну что Прокопий, многие обделались?!

– Полдюжины всего, вашбродь, – с усмешкой полуобернувшись к солдатам, ответил фельдфебель.

– Что, правда?!

– Так точно, вашбродь. Обоссались сами того не заметив. Переоделись уже, вашбродь. Хорошо хоть не обосрались.

Несколько солдат, те, что напрудили в штаны, стояли с угрюмыми выражениями лиц, а остальные чуть посмеивались, радуясь, что сами не напрудили лишь каким-то чудом.

– Ну, то, что обоссались, это не беда, такая сейчас неблагоприятная экологическая обстановка – все ссутся, – хмыкнув, сказал Михаил, вспомнив можно даже сказать культовый фильм «ДМБ» с «мудрыми» высказываниями. – Я ссусь, и главком наш писается иногда бывает, но по ситуации... Так что ж нам, из-за этого последний долг Родине не отдавать? Мы ваш позорный недуг обратим в достоинство, пошлем вас в бортовые стрелки на самолеты. Там вы еще и сратья начнете...

Секунды три стояла тишина, солдаты переглядывались между собой, потом кто-то хохотнул из молодых до которого наконец дошла соль шутки, и в следующий миг, все солдаты ржали как сумасшедшие, аж до слез, выплескивая из себя пережитое напряжение и страх. Даже сверхсерьезный

и суровый фельдфебель не смог сохранить свою невозмутимость.

Лейтенант и простые французские солдаты недоуменно смотрели на истерично ржущих русских, так что Михайлу пришлось пояснить ситуацию и повторить свой заключительный монолог. После чего к смеху русских солдатам присоединился ржачь французов.

– Ладно, бойцы, посмеялись и айда за работу. Вода сама себя не соберет.

Дождь и впрямь лишь усилился, так что солдаты засуетились, раскладывая брезентовые куски от палаток по брустверам окопов и вскоре в пустые фляжки тоненькими струйками потекла вода.

Посмотрев на то, что делают русские, французы перекинулись между собой взглядами и тоже бросились в убежище за своими брезентовыми палатками, так же расстелив их для сбора дождевой воды.

– Хм-м, простое ведь решение... – покачал головой лейтенант, удивляясь, что сами французы до этого не додумались.

Промокли конечно, но после того, как всю тару заполнили водой, даже мерзостную воду в ведрах сменили, послал всех переодеваться. А то заболеют еще, а с лечением тут туго, антибиотиков нет.

«Только как быть тем, кто обмочил штаны? – подумалось ему. – Впрочем штаны наверное уже высохли...»

Воды в окопы натекло просто немеряно. Некоторые участ-

ки, что шли с понижением, реально затопило так что там невозможно пройти даже в сапогах, воды натурально по колено. И грязь, глинистая, жирная, чавкающая, быстро налипавшая на обувь, да так что можно враз остаться без оной ибо прилипала к дну окопа намертво.

Из-за этой грязищи ужин прибыл с часовым запозданием. На этот раз принесли гороховый суп, или скорее жиденькую гороховую кашу с куском жареной свинины. Правда в этот раз вместо хлеба принесли галеты.

Французские солдаты этому очень возмутились.

– Фрицы хлебопекарню нам разбили, – пояснил один из «супников». – Так что и завтра хлеба не ждите.

Так же каждому досталось по помидорине (а в прошлый раз принесли морковку). Традиционная кружка с кофе.

«Супники», сделав вторую ходку, уже под сумерки принесли вино. Красное. Дешевое, сделанное из жмыха, вроде того пакетного дерьма, что как-то в свое время активно продавали в России, но все же вино, пусть и крепленое. Доставили из расчета – одна бутылка на двух человек.

Это вызвало оживление среди солдат.

Вчера им приносили пиво, по бутылке на человека.

– Живут же буржуи, – слышался голос одного из солдат и на него тут же зашикали, дескать держи рот на замке.

Климов после ужина снова пробежался по позиции, проверив состояние остальных бойцов, но к счастью никто не пострадал, если не считать несколько человек, что помялись

во время спуска в убежище, оступившись на скользких ступеньках и кубарем улетевшим вниз.

15

– Да твою же мать... – уже вяло ругнулся Михаил, проснувшись в очередной раз за ночь.

Вши доставали его снова и снова. Непривычный к этой кусачей насекомонной гадости он каждый раз просыпался и пытался выловить паразита из волос, а когда это удавалось давил его с особой жестокостью.

Посмотрев на соседнюю койку отметил, что лейтенанта на месте нет.

– В сортир наверное пошел...

Вообще-то гулять ночью по окопам не рекомендовалось, солдатам так и вовсе прямо запрещалось и свои дела они делали в парашу. Имелась параша и в офицерском бункере, другое дело что они могли воспользоваться формальным предлогом проверки постов.

Михаил, встав, подкинул немного дровишек в печку, а то в убежище похолодало, что и немудрено. Теплый воздух моментально поднимается вверх по проходу, а холодный соответственно «стекает» вниз, так что топить печурку приходится постоянно.

Рядом с печкой подсушивали портянки.

Климов невольно содрогнулся, представив какой сейчас ядреный запах царит в солдатском убежище, ибо там тоже сушат портянки над печкой.

Захотелось в туалет.

Делать дела в парашу, чтобы она потом до утра воняла не хотелось, так что, накинув шинель, Климов стал подниматься вверх. В последний момент прихватил пистолет, а то очень не хотелось бы ему оказаться безоружным перед немецкими разведчиками-диверсантами, что могут в любой момент заявиться в окопы с целью захвата языка. Они такие финты время от времени проворачивают, не только казаки-пластуны в этом мастера.

Выглянув из коридора и осмотревшись, заметил лейтенанта у наблюдательного поста, всматривающегося в пространство нейтральной полосы.

– Что там? – спросил Климов.

Лейтенант аж вздрогнул, не ожидая появления штабс-капитана. Так сильно увлекся разглядыванием чего-то очень интересного.

– Ничего, просто смотрю... – шепотом ответил тот.

Но выражение испуга и чего-то еще, может досады не понравилось Михаилу.

– Заметили что-то?

– Нет, господин капитан. Идемте обратно в убежище...

Лейтенант попытал увлечь штабс-капитана за собой, но чуйка Михаила просто взвыла на тему, что происходит что-то не то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.